

УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА

РАСТВОРЯЕТЪ МОЧЕВУЮ КИСЛОТУ.

РЕВМАТИЗМЪ. ПОДАГРА.

АРТЕРИОСКЛЕРОЗЪ. АРТРИТИЗМЪ.

ПЕСОКЪ и КАМНИ.

УРОДОНАЛЬ ШАТЕЛЕНА
продается во всѣхъ аптекахъ
и аптекарскихъ магазинахъ.
Русское Агентство фирмы
ШАТЕЛЕНЪ въ Парижѣ.
Москва, Петровский пассажъ,
№ 38, отд. 5.

Подагра вызывается
скоплениемъ мочевой ки-
слоты. Уродональ Ша-
телена, растворяя мо-
чевую кислоту, вылечи-
ваетъ подагрический при-
падокъ, предупреждаетъ
его повтореніе.

НА ГИТАРѢ

въ нѣск. дней бѣтъ знанія нотъ, каждый
можетъ легко научиться играть аріи роман-
сы, танцы и пѣсни. Полн. злочный курсъ
съ безп. прилож. альбома моды. нѣстъ за
три руб. Москва, реч. журн. „Соколь“,
4-й Печатьниковъ пер., 18-2.

Только 15 или 10 рублей (на короткий срокъ)
портреты масляными красками на полотнѣ
съ фотографической картинкой бистъ, натур.
ветич. разм. 10x12 верш. — 15 рублей, 7x9
верш. — 10 рублей. При заказѣ слѣдуетъ
обозначить: цѣты, лица, 1234, почтосъ, по-
стома и т. д. Заказы исполняются при за-
дѣлкѣ 5 руб. на портреты. Адресъ: г. Ново-
сибирскъ, Херс. губ. А. С. ЕДУЦИНЪ.

Конторскую скоропись, рондо, готикъ обучамъ
заочно каждому въ 6 уроковъ. Въ 15 уроковъ
исправленный дурной по-
черкъ. За 6 десятковъ марокъ
высылаемъ образцы шрифтовъ,
почерки чужаковъ и уроковъ.
Одесса, Проф. Каллиграфія
Аллотъ Косодо, Дерибасовская, д. № 19.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование.
Заочное обученіе. Безплатныя
премій. Каллиграфія, стеногра-
фія, переписаніе к. ироч. **АТ-
ТЕСТАТЪ**. Лыготныя условія
вробилъ лекція **БЕЗПЛАТНО**.
Адресъ: Петрогр., „Кругъ Самообра-
зованія“, Б. Ружейная, 7—5б.

ГДѢ и КАКЪ

получить право, не отрыв. отъ школы
лаптей, ка. ироч. **НАГРЪ ШМУЪ**
ШАКОВЪ, ЧИНОПРОЗЪ, ПОЧЕТИ.
ГЛАВ. ГРАТ. и др. нагр. 7 (б)
„Справочникъ Благотворенія“, съ при-
лож. до 50-ти рѣс. **ОБЪЯВЛЕНІЯ** **ША-**
КОВЪ, выдв. разд. учредж., выст.
нал. итат. на 5 р. Треб. адресъ:
Петроградъ, Литейный, 59—18.
Скѣ. явл. „Справочн. Благотн.“

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ

Свѣчи „Проктоль-Пеля“, но-
вейшее и наилучшее, ис-
тѣнное средство противъ

ГЕМОРРОЯ.

Дѣйствуетъ кровоостанав-
ливающее, обезболивающее,
ускоряетъ заживленіе и,
при систематическомъ ле-
ченіи, совершенно устраи-
ваетъ зудъ, жжение и всѣ
явленія геморроя. Имѣется
всюду

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-я
ПЕТРОГРАДЪ

При ГОНОРРЕЕ

въ острой и хронической формѣ **„ТИДЕРИНЪ“**
использовалъ ее примѣняется
Д-ра мед. Гороховской Дія. внутренняго употребл. Тидеринъ
совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. флак. или порош. капсулы 2р.
15 а. двойного 4р. Адресъ: Д. ру Гороховской, Москва, Давыдовъ пер.
1, 28, кв. 8, отд. 90. Отпускается въ аптекахъ по рецепту врачей.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЩА

содержитъ ДІАСТАЗЪ, благо-
даря чему является незаме-
нимымъ средствомъ при различ-
ныхъ желудочныхъ заболѣва-
ніяхъ, а также рекомендуется
для грудныхъ дѣтей старшаго
возраста.

Получаются блестящіе результаты.

БРОШЮРА № 12 по ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

Англ. Акц. О-во „АЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“ (Россія)
МОСКВА. Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

АЛЕНЪБРИСЪ

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.
КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Говдо-Го-
тликъ, батерды и пр. 208 рис. и черт.
въ текстѣ, транспорант. и тетрадо-
держат. Новѣйш. самоучит. для ис-
правл. почерка въ короткій срокъ.
Главн. кнж. образц. и конторск.
сборникъ. Цѣна за полный курсъ съ
прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш.
руковод. для самообразов., со справ-
очн. словаремъ всѣхъ словъ, запутан-
ныхъ, являющ., и словъ съ буквою Ъ.
Всѣ правила легко усваиваются по-
мощью 121 упражн. и систематическа-
го ключа. Самоуч. ботыл. форм. 330 стр.
уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 2 рубль
Адресъ: Имѣтозд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать
со скоростью рѣчи) полный курсъ
для самообразованія. 368 стр. Цѣна
(за) 3 рубля.
СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на
службу въ канцеляріи, и частн. учр. формы
прошен., писемъ, какихъ ироч. должно
принять, чтобы обезопасить себя
службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАКОНОДА-
ТЕЛЬСТВО И СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЙ
ПРАКТИКОЙ. Справочная книга для
всѣхъ торгово-промышленн. деятелей
и служащихъ. 443 стр. (1-й и 2-й стр.)
текста. Цѣна 3 рубля.
При посылк. папж. итат. на 25 к.
дорожн.

НИВА

1916 г.
№ 43

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLVII г.
изданія

Въ Петроградѣ 1916 г.
ОБЪЯВЛЕНІЯ для вѣщанія въ „Нивѣ“ принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за строку и вѣщаніе въ одинъ столбъ (въ 4 строчкахъ) — 15 к., съ перес. 20 а.
1 р. 75 к. — послѣдней стр. и обложки 1 р. 50 к.; на остальныхъ стр. 1 р. 25 к. Къ этому № прилагается соч. Шарля де Костера „Улемспителъ“ кн. 3.
Главная Контора и редакция: Петроградъ, улица Гоголя, № 28.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1917 г.

52 №№ журнала: повѣсти, разск., картины, иллюстраціи и снимки съ театра военн. дѣйствій. **12** №№ ежемѣсячнаго иллюстрированного приложенія для ДѢТЕЙ.

52 книги „СБОРНИКА НИВЫ“, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, въ которыя войдетъ:

первая серія
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ

полный переводъ
романа
„ДОНЪ-КИХОТЪ“

ТРЕТЬЯ серія
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ
СОЧИНЕНІЙ

М. ГОРЬКАГО,
С. Я. НАДСОНА,
СЕРВАНТЕСА,
Д. Н. МАМИНА
(СИБИРЯКА).

Подписная цѣна на годовое изданіе „НИВЫ“ 1917 г. со всѣми приложеніями:

Въ Петроградѣ:
Безъ доставки: 12 р. 50 к.
Съ до- 13 р. 50 к.
ставкою

Безъ доставки:
1) въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ. 13 р. 25 к.
и 2) въ Одессѣ: въ книжн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“. 13 р. 50 к.

Съ пересыл-
кою во всѣ
города и
мѣстности
Россіи

14 р.

Допускается РАЗСРОЧКА платежа:
въ два срока (при подпискѣ
7 р. и 1 июня 7 р.), въ три срока
(при подпискѣ 5 р., 1 апрѣля 5 р.
и 1 августа 4 р.) и въ 4 срока
(при подпискѣ 4 р., 1 марта 3 р.,
1 июня 4 р. и 1 августа 3 р.).

Подробное объявленіе см. въ № 41 на стр. 689—689.

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

Для предупреждения
охриплости, простуды, насморка.

НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Требуйте, просите

во всех аптеках и аптекарских магазинах

НАСТОЯЩАЯ

PASTILLES VALDA

(Лепешки Вальда)

въ коробках съ красной бандеролью,
снабженных именемъ

VALDA

Цена
1 рубль.

(H. Canonne, Paris).

ПѢСНИ НАШЕЙ АРМІИ.

18 пѣсней для мужского хора, написанныхъ въ арміи въ періодъ 1914—1915 гг.
С. Орловымъ и Ф. Щегловымъ.
Цена парт. — 80 коп.
Новый каталогъ „Сибирская хоровая музыка“ высылается — **БЕЗПЛАТНО**.
Музыкальное Издательство
П. ЮРГЕНСОНА, Москва, 4844,
Петровский пр., 14.

Требуйте прейох-нуранты.

ГОНОРРЕЪ

въ острой и хронической
формѣ примѣняются препара-
ты для внутренняго употребле-
ния капсулы

КАВАЗАНЪ

и для наружнаго употребленія
протравляющія палочки

ВАРОЛИНЪ

Цена 1 кор. КАВАЗАНЪ 2 р. 75 к.

пол. кор. 1 р. 50 к.

Цена 1 кор. ВАРОЛИНЪ 2 р. 75 к.

пол. кор. 1 р. 50 к.

Москва, Врачебно-Галеновое

7-во Б. Козинский, 28. Отгу-

скаются изъ аптеки и апт. магаз.

по рец. врач. **БРОШЮРА**

высылаются **БЕЗПЛАТНО**.

30 раздѣльных во-
енныхъ марокъ
всѣхъ странъ 1 р.,
50 марокъ — 8 р.,
100 марокъ — 15 р.
безъ пересылки.
Уплата мовыми
ночт. марками. По-
купка и продажа
всѣхъ марокъ. Ката-
логъ бесплатно. Бирма марокъ В. Валь-
теръ (V. Walter), Копенгагенъ. Письма въ
Копенгагенъ оплачиваются 10 к. маркой.

Съ прибылями 2,000—8,000 рублей
Энциклопедія доходныхъ дѣлъ.

Книга заботливыхъ стрелочекъ тетушки: создать себѣ жизнь по душѣ, устро-
ить свои доходные дѣла, жить безбѣднѣе. Изд. „Энциклоп.“ въ
2-хъ и 4-хъ, 12-ти частяхъ. Указываетъ многія дѣла на 1—8,000 руб. дохода,
любое изъ которыхъ можно начать съ грошей. А чтобы получить вѣрную
прибыль — дамы подробныя изслѣдованія недея и дешаго устройства (съ
100 руб.) кждаго дѣла. Есть легкія сезон. дѣла, что за 3 м. на работы даютъ
вѣрнаго 1—3 тыс. дохода. Цена 2-хъ книг. „Энциклоп.“ 3 р. 95 к. съ перес.
Масса свѣдѣностей! Книжн. скт. „Новая Жизнь и Наука“.
Москва, Средн. Переславская, 3-11.

ВОЛШЕБСТВО и МАГІЯ.

Самая познав. книга. Кждый
можетъ легко научиться. (1)
Цена 1 р. Москва, ред. журн. „Соколы“, Печатниковъ пер., 14/2.

ПОЛЕЗНЫЯ КНИГИ, РУКОВОДСТВА и САМОУЧИТЕЛИ.

1) Полное собраніе книгъ для быстрой и вѣрной самоподготовки на первый классъ
тинъ или на военно-предѣлѣ, съ правозн. поступленіи въ школу прапорщиковъ—
5 р. 75 к., 2) Самоучители языковъ: француз.—85 к., англ.—1 р. 70 к., латинск.—1 р. 45 к.,
итал.—1 р. 25 к., немецк.—95 к., польск.—1 р. 20 к., испанск.—1 р. 3) Бухгалтерія
для всѣхъ—руководство въ самоподготовкѣ на бухгалтера—1 р. 55 к. 4) Шофферъ
и мотоциклистъ—руководство для самоподготовки изъ шофера или для желающихъ
поступить въ автомоб. роту—1 р. 5) Самоучители ремеселъ и промисл.: Подный курсъ мы-
ловаренія—1 р. 50 к. Изготовленіе всякаго рода чернилъ—1 р. 25 к. Изготовленіе безалко-
гольныхъ винъ и наливковъ—1 р. 5 к. Карамельно-конфетное производство—2 р. 25 к.
Чемоданное дѣло—2 р. Кожевенное—1 р. 40 к. Изготовл. тканей и красокъ—1 р. 55 к.
Какъ шить и чинить самому обувь—1 р. 20 к. 6) Книга для конторщ. и приказч.—65 к.
7) Руководство для подготовки на электротехника—6 р. 30 к., кино-механика и съез-
шья—6 р. 95 к. Треб. ктн. Москва, Б. Удлинск. 10, изд-ство Д. Кузнецова.

ПИСАТЬ

временно и скоро будите, выпл-
савъ „Механическую пропись“.
Цена 1 р. Москва, ред. журн.
„Соколы“, Печатниковъ п., 14/2.

НЕВРАСТЕНІЯ

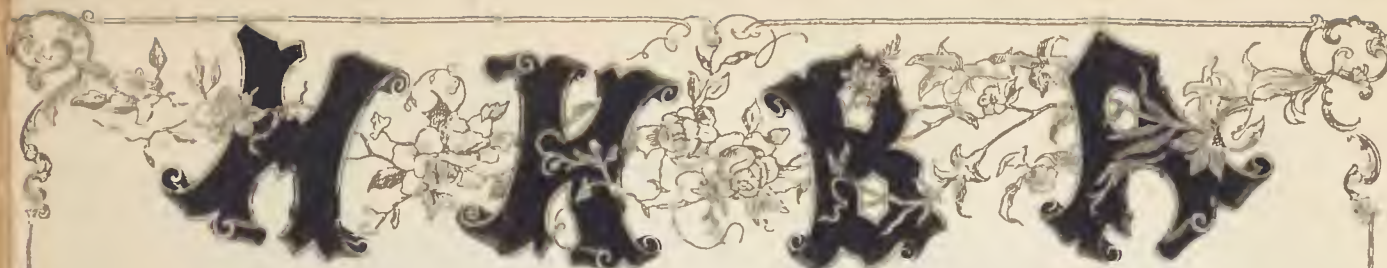
и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, невралгіи, спинная сухотка, параличи, сер-
дечныя заболѣванія, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ пе-
чатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ много-
численныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, вѣсторонне испытанный Сперминъ, по-
этому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться
отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ
подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не
имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга „Цѣлбное дѣйствіе спермина“, интересующимся же
всей органотерапией, высылаются за четыре 7-копѣечныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлитель-
ныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Дръ Пель и С-вья ПЕТРО-
ГРАДЪ.
поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

№ 43.

Выходить ежемѣс. (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и Д. КОСТЭРА,
12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 2 повые спеціальныя карты театра военныхъ дѣйствій, 12 № „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лст. черт. и выкр.
Выданъ 23 октября 1916 г. Подписная цена съ дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цена этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.).

Открыта подписка на „И И В У“ 1917 года.

Вѣсточка отъ сына

Картина Н. Богданова-Бѣльскаго.

В Парижской Grande Opéra давали «Сказки Гофмана». Сезон кончался — в скором времени предстояло открытие русских спектаклей, которые давали в Париже весну. Тем не менее театр был полон, и зрительный зал выглядел еще более блестящим, чем во время зимних премьер, благодаря тому, что теплая погода позволяла дамам явиться в светлых весенних туалетах: настоящая симфония красок, в которую черные фраксы мужчин вносили строгие, сдерживающие аккорды. Ложи были заняты все, не исключая дипломатических, хотя спектакль не принадлежал к числу парадных, и интерес его сосредоточивался не в партере или фойе, а на сцене.

Это был один из тех интернациональных спектаклей Парижской Оперы, которые создали ей репутацию мирового театра, озаряющего огнями своей рампой знаменитостей всех стран старого и нового света. Они приходят сюда в ореоле своей славы, как на последний экзамен перед утонченной и своенравной аудиторией, не всегда считающей с готовыми артистическими репутациями, даже самыми крупными: эта аудитория одинаково строга ко всем кумирам, несмотря на то, что любить создавать своих собственных знаменитостей, из неизбывности вознося их на вершину всеобщего признания. Сегодня ей предстояло вынести приговор певцу, уже прогрессивному у себя на родине и в Италии, откуда он прибыл после блестящих выступлений в Милане.

Итальянского баритона Пранга звали настоящим создателем таких ролей, как Риголетто, Дон Жуан и Вольфрам. Подобные отзывы не могли не заинтересовать музыкальный Париж, и интерес этот еще усилился после того, как стало известно, что для своего первого выхода Пранг остановился на «Сказках Гофмана», где должен был играть две роли: Дапертутто и доктора Миракля. Действительно, даже при жеманном подкупе парижан исполнением французского автора, можно было ожидать иной выбор: в опере Шенкеля оба баритонские партии не велики и, в сущности, не дают материала для суждения об исполнителе. Мифы раздвинулись: один усмотрел в этом выбор оговорку певца, не желавшего выступать для дебюта в ответственной роли, другие, напротив, говорили о высокомерии Пранга, считавшего, что для парижан вводит достаточно духа почти выходящих партий. Атмосфера зрительного зала была приподнятая, общее любопытство возбуждено до крайности.

В начале оперы гастролер не был занят: публика развлеклась слушая пролог и первое действие, несмотря на то, что Гофмана пел любитель парижан, Поль Клодмэр. Против обыкновения, ему очень мало аплодировали в прологе за легенду, спетую с увлечением, и только сцена с Олимпией, где он блеснул всей красотой своего прекрасного лирического тенора, вызвала более продолжительные аплодисменты. Наконец, завесы опустились, но публика осталась на своих местах, как и музыканты, ожидая звонка, возмущавшего о переменах декораций.

В зале снова стало темно, и из глубины оркестра поспешили звуки безмерной баритонии, — одного из самых счастливых вдохновений французской музыки. Гениально-простая и совершенная по форме, насыщенная экзотическим упоением, она, быть может, больше, чем какое-либо другое произведение искусства, раскрывает истинную сущность любви: она говорит об объятиях и поцелуях, о самом ласковом, греховном и понятном — и в то же время в бесконечную высь

уносит человеческий дух, в царство грез о недостижимом, и вечно, и вечно тоскою любви, ищущей и не находящей удовлетворения, одолевает, как флером, порывы чувственной страсти. Темными складками бархата лежат, завесы, озаренный синим мистическим светом, и казалось, что там, за этой завесой, скрыта какой-то иной мир, волшебный мир возвышенных страстей и прекрасных страданий, одна из тех сцен, которого разливалась теперь над затихшим человеческим морем. И, несмотря на истерзанное ожидание, гром рукоплесканий заставил дирижера повторить интродукцию.

Завесы поднялись с последними тактами баркаролы, которую подхватил хор свѣжких и звучных женских голосов. Терраса дворца, усыпанная цветами, открыта на спящую Венецию, озаренную сиянием луны. Оргия приближается к концу. Свѣтильники горят тускло, недопитые бокалы в беспорядке толпятся на столах, счастливые парочки забывают весь мир в объятиях друг друга. На авансцене Гофман, окруженный куртизанками, тиснет ищет исцеления от своей романтической скорби. Каким странным и чуждым кажется здесь, среди вызывающей роскоши, этот мечтатель в потертом фракѣ, исключенный, с безумно-блуждающим взглядом на уродливом лице. Раб своего призвания, Поль Клодмэр не побоялся воспроизвести в гримированном подлинный лик автора «Серапионовых братьев», не думая о том, что его поклонники ужаснутся этого лица, на котором рука судьбы положила так ярко и так злобно свою метательную печать. Он играл в тот вечер, как никогда. Его рецитативы, в которых обманутый и ослепленный Гофман призывает к вдохновенному безумию, при других условиях могли бы потрясти зрительный зал. Но теперь непостоянный парижский партер интересовался не им, и он поневоле отступал в второй план.

Гости Джульетты удалились в игорную комнату, сцена опустела. Тогда, поднявшись с дивана в глубине, приблизился к рампѣ исполнитель в ярко-красном костюме, похожем на трико Мефистофеля. Остановившись в пластической позе у егола, освещенный сверху багровым светом, он протянул неслышавшему Гофману руку, на пальцы которой сверкала алмаз в оправе золотого кольца. И со сцены полились звуки колоссального голоса, звучащего дьявольским торжеством.

Генрих Пранг, премьер Мюнхенской оперы, пел по-французски с легким, едва заметным акцентом. Зал затих, очарованный, почти поблженный. Гигант в красном царил над ним, как триумфатор; на его лице с поднятыми вверх дугами бровей играла улыбка демона, жесты, угловатые и злобные, словно полет испанской летучей мыши, дополняли впечатление.

А между тем незаметно он все время следил за палочкой дирижера, потому что выше всего ставил точность музыкальной интерпретации. Его игра была, в сущности, механической и вышней: это был просто опытный техник, искусно выдававший результат своей головной работы за настоящее вдохновение. Сосредоточенно следя за собою, он пел и не видел, что в десяти шагах стоит женщина, не спускающая с него восторженного взгляда, — та самая, которая только что покончила с ним на колышках: Жанна Дарто, молодая певица, исполнявшая роль Джульетты.

И ни он, ни она не замечали, что этот ностраженный взгляд преследовал, как стальная клин, другим, устремленным на сцену из темноты кулис задним планом, ревнивым взглядом Поля Клодмэра.

II.

То, что происходило на сцене, нередко совпадает роковым образом с переживаниями исполнителей. Девочка под именем Дапертутто отидя у Гофмана продажную куртизанку Джульетту: Генрих Пранг, гастролер и герой парижского дня, стал поперек дороги Полю Клодмэра, в его любви к подруге по сцене.

Это началось еще во время репетиции. В первый же момент, увидев немецкого певца, молодой человек почувствовал смутную тревогу, для которой, по видимому, не было особенных оснований. Пранг, хотя и красивый мужчина, оставался все-таки грубоватым немецом, неразговорчивым и самолюбивым, но Бог вѣсть какая приманка для избалованной француженки. Но когда Жанна Дарто, улыбаясь, протянула ему руку для первого поцелуя, Клодмэр невольно вздрогнул, как от ледяного прикосновения, и поклонился певцу больше, чем сдержанно.

Он не хотел сознаться себе самому в том, что ревнует. Ему казалось, что он не имеет даже права на это. Действительно, его отношения к Жанне Дарто были чисто платоническими. Он любил ее, но отвечали ли ему взаимностью, на этот вопрос он не мог бы ответить ни да ни нет. Жанна кокетничала с ним больше, чем с другими, но на то могли быть причины, догадываться о которых он скорее не хотел, чем не мог. Он был для нее во всяком случае выгодным поклонником, а таких никогда не отталкивают слишком резко. Ужаснение Поля Клодмэра не только льстило молодой женщине, но и выдвигало вперед артистку, вытеснив данные которой один из критиков не без ехидства называл обратнотупропорциональными ее талантам. За кулисами ни для кого не было тайной, что один лишь Клодмэр сумел выхлопотать для нее роль Джульетты в гастрольном спектакле Пранга. Теперь, в благодарность за это, она демонстративно дарила своим вниманием немецкого певца, быть может, считая, что по отношению к влюбленному для женщины выгодно быть благодарной, чем наоборот.

В своем роскошном костюме венецианской куртизанки она стояла между кулисами, освещенная тем же красивым светом, который падал на Пранга. По вышности роз Джульетты подходила к ней как нельзя больше. В этой маленькой женщине, похожей на статуэтку из терракоты, с лицом оригинального восточного типа, было что-то интригующее, раздражающее и вместе с тем иамбичное. Ее сѣрые глаза поминутно меняли выражение, то вспыхивая ярким огнем, то погасая томно и мечтательно; в улыбке тонких губ дрожали, казалось, живые обещания и острый, возбуждающий слова, который она так любила. Алмаз в кольце Дапертутто в самом деле точно гипнотизировал ее: по знаку помощника режиссера она вышла на сцену и склонилась перед Прангом, униженно цѣлуя его руку. Этого требовала роль, но Клодмэр, не спускавший глаз с Жанны, увидев в ее поцелуе безмолвное обещание полной покорности тому, кто сумел подчинить эту женщину своей воле, Дапертутто кончил сцену под взрыв аплодисментов, дошедших за кулисы, как буря, — и этот успех соперника еще более возмущал Клодмэра. Поцелуи прошли, словно в тумане. Терраса опустела, опять, на полу лежал труп Шенкеля, но за сценой, где собрался хор, баркаролла продолжала звучать. «Один!» — простонал Гофман, свою последнюю фразу, и в тот же момент, в дрожащем столбе драматического света, перед ним пролилась гонимая, увозившая измученную. Поцелуя, она склонилась на плечо похитителя: на фоне красного камзола Пранга ее обнаженные плечи сверкали ослепительной близостью. Это был конец: завесы с глухим шумом понеслись вниз, на сцене стало темно, и колонны роскошного дворца сразу превратились в ряды размазанных грязных полотен.

Не думая о вызовах, Поль Клодмэр бросился к уборным. Он опоздал: дверь Жанны была заперта: артистка, закончившая свою роль, спешит переодеться. Но в этот момент рукоплескания доносились громче, — завесы поднимали снова. К ним присоединились другие, уже за кулисами: аплодировали рабочие, монтеры, хористы и фигуранты, разступаясь двумя шеренгами к стѣнам коридора и глядя в темный проход на сцену.

Оттуда приближалась Жанна Дарто, под руку с Прангом. Она выступала, как поблдительница, прижимая к груди огромный букет роз. Пранг, раскланиваясь направо и налево, предупредительно указывая на свою партнершу. У дверей уборной оба остановились.

Итак, вы ужасаете? — спросил Пранг.

— Не сейчас. Я хочу полюбоваться вами в костюме черного доктора.

— В таком случае, не угодно ли вам будет воспользоваться моим автомобилем?

Поль Клодмэр стоял близко, но Жанна его не видела. Она отвечала с улыбкой, которой умела пользоваться, как опасным, и неотразимым оружием.

— А куда мы поедем? Я хотела предложить...

Она оборвала свою фразу на полуслове, увидев Поля Клодмэра. Его искаженное лицо, и без того изуродованное маской грима, в рѣзком верхнем свете было так ужасно, что Жанна невольно вскрикнула.

— Фи, мосѣ Поль... Вы меня просто испугали. Можно ли приносить искусству такие чудовищные жертвы?

Пранг поспешно исчезнул, очевидно, предвидя готовую разразиться сцену, участвовать в которой, по крайней мере, явно, ему совсем не хотелось. Но молодой человек уже овладевал собой.

Очень рад, что вы одобряете мой грим, — проговорил он, проницательно. Могу в свою очередь ответить вам комплиментом: вы удивительно подходите к вашей сегодняшней роли, — подходите во всех отношениях.

Он повернулся, чтобы уйти, но Жанна остановила его. Они были одни в опустившемся коридоре, со сцены доносился стук молотков, позволявший разговаривать о чем угодно, не поппая голоса.

— Что с вами, Поль? Вы ревнуете?..

— Сударыня, я не имею никакого права...

Молодая женщина слегка ударила его по руке.

— Оставьте этот тон! Вы сегодня играли так, как будто были бутафорские кружки в погребе Лютера были до краев наполнены шампанским. Неужели вы не понимаете, что все мы должны быть любезны и предупредительны с нашим гостем? Что сказать по ту сторону Рейна, если он вздумает жаловаться мюнхенским интэрюерам на невоспитанность французов? Я поеду с ним, ужинаю, но не одна, разумеется. Будут Мишлен, Генриетта, Жюльетта — целая компания, и вы тоже, конечно. Идите? Но хотите? Но ведь это же глупо, милый Поль! Подем, не разстраивайте нашего общества: вы увидите сами, что все будет страшно корректно, — но не болѣе, право, не болѣе.

Она просила так убедительно, что молодой человек не мог отказаться. В ресторане Жанна удивила его: она была очень любезна с Прангом, но эта любезность, по видимому, не открывала для него никаких дальнейших возможностей. Немец, скидывая совет другого, был разочарован уже при виде многочисленного общества, собравшегося для полуофициального торжества, во время которого нечего было и думать о

Что с вами, Поль? Вы ревнуете?.. (Глава II, стр. 711).

флирт. Ему показалось, что надъ нимъ смѣются; онъ надулся, сталъ сдержаннымъ и молчаливымъ. Въ общемъ, то былъ невеселый вечеръ—слишкомъ торжественный и потому натянутый, несмотря на обильные взаимными любезностями. Французскіе артисты и представители прессы, галантные и внимательные, не могли все же забыть происхожденія своего гостя и врожденной, нескромной антипатіи къ его странѣ. И разговоръ, почти все время оставившійся въ рамкахъ профессиональных артистическихъ интересовъ, протекалъ безъ воодушевленія, безъ тоновъ и шумныхъ горячихъ рѣчей. Разъѣхались рано, и Поль Клодмэръ, оставившійся жать на тротуарѣ, видѣлъ, какъ Жанна сѣла въ свой экипажъ одна.

Онъ уѣхалъ задумчивый, успокоенный до нѣкоторой степени, но не чувствовавшій себя побѣдителемъ. Образъ Пранга неотступно стоялъ передъ нимъ, какъ угроза, которую онъ чувствовалъ въ болѣзненной напряженности своихъ нервовъ. И потомъ—въ коляскѣ Жанны Дарто одно мѣсто оставалось свободнымъ: мѣсто, которое съ такой радостью занялъ бы онъ, если бы его позвали...

III.

Въ Монте-Карло, душнымъ лѣтнимъ вечеромъ, Поль Клодмэръ возвращался пѣшкомъ въ свой отель изъ казино.

Онъ постигалъ рулетку далеко не часто, предпочитая пользоваться лѣтними каникулами для отдыха. Игрные залы съ ихъ крикливой роскошью, наполненные пестрой международной толпой, напоминали ему слишкомъ живо Парижъ, о которомъ онъ хотѣлъ позабыть на эти три мѣсяца. Его мечтательную душу гораздо болѣе привлекало то, чего никто почти не замѣчаетъ въ Монако: чарующая природа этого уголка, благословеннаго Богомъ и такъ безжалостно оскверненнаго людьми, созданными здѣсь, на лазурномъ берегу Средиземнаго моря, безстыдное и отвратительное царство азарта. Къ изумленію товарищей, онъ, не задумываясь, отклонилъ предложеніе театра казино, дирекція которого считала непониманіемъ украсить именемъ Поля Клодмэра сенсационную программу лѣтняго сезона: онъ усталъ и, кромѣ того, собиравшись на свободѣ поработать какъ слѣдуетъ надъ новыми партіями, въ которыхъ ему предстояло выступить осенью. Онъ жилъ простой и однообразной жизнью: его день, начинавшійся и кончившійся одинаково рано, проходилъ между купальной кабинкой, паркомъ съ площадками для тенниса и роялемъ въ его скромной комнатѣ безъ лишней мебели, которая могла бы помѣшать резонансу. Такая жизнь ему нравилась: онъ былъ доволенъ, и ничто, казалось, не могло поколебать его душевного равновѣсія.

Но сегодня въ немъ неожиданно произошла перемена.

Онъ шелъ по берегу моря: надъ горизонтомъ сгустилась облака, пробиваясь изъ-подъ ихъ тяжелыхъ, мѣдно-багровыхъ слоевъ, лучи солнца одѣвали зловѣщнымъ пурпуромъ морскую гладь, и этотъ отблескъ какъ будто проникалъ въ душу молодого человѣка, которая еще сегодня утромъ была безмятежна, какъ небесная лазурь надъ его головою.

Любовь Поля Клодмэра была, въ сущности, самымъ спокойнымъ и нетребовательнымъ чувствомъ. Онъ не хотѣлъ отъ Жанны ничего, кромѣ права любить и уважать свой кумиръ: такъ боготворилъ когда-то благородные герои Расина избравшія своего сердца. Ревность была тяжела для него, потому что вызывала представления, казавшіяся ему оскорбительными по отношенію къ той, которую онъ хотѣлъ только обожать. На прощальномъ банкетѣ, передъ отъѣздомъ труппы на каникулы, Жанна объявила ему, что отказалась, какъ и онъ, отъ всѣхъ приглашеній и ѣдетъ отдыхать къ своей тѣткѣ, въ Сент-Мало. Поль Клодмэръ, самъ не унѣшавшійся до сихъ поръ при какихъ обстоятельствахъ, повѣрилъ ей и не слишкомъ страдалъ въ разлукѣ съ любимой женщиной, такъ какъ былъ за нее спокоенъ. Онъ представлялъ себѣ маленькую ферму на берегу суроваго, нелидиаго моря, садъ за оградой изъ грубо-отесанныхъ камней, черепичная кровля и высокий шпиль церкви, изъ дверей которой выходитъ вереница женщинъ въ белыхъ чепцахъ; мечтая, онъ видѣлъ среди нихъ Жанну съ собственникомъ въ рукахъ, задумчивую и умиротворенную.

Вмѣсто того, онъ увидѣлъ ее сегодня въ игрной залѣ.

Разумѣется, нельзя было поручиться, что это она. Рулетка Монте-Карло — выставка красивѣйшихъ всевозможныхъ типовъ: но въ концѣ концовъ всѣ эти лица, подкрашенные, запудренные, съ ярко-красными губами и однообразнымъ блескомъ азарта въ глазахъ, сливаются въ одно, и черты женщины, о которой думалъ, здѣсь совсѣмъ не трудно найти въ любой незнакомой. Поль Клодмэръ не успѣлъ броситься въ погоню: толпа игроковъ преградила ему путь, и видѣнье исчезло такъ же быстро, какъ появилось. Тщетно буждалъ онъ по замамъ, въ надеждѣ встрѣтиться снова съ Жанной или съ ея двойникомъ: онъ обонелъ алленъ парка съ ихъ уединенными скамейками и, погруженный въ свою пристрастію, почти не замѣтилъ, какъ очутился за оградой, на прибрежной дорогѣ.

Здѣсь тишина и зловѣщія краски заката еще болѣе гармонировали съ мрачными думами молодого человѣка, и колебанія его мало-по-малу уступили мѣсто увѣренности. Онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что видѣлъ именно ее. Жанна Дарто въ Монте-Карло — и, разумѣется, не одна. Не довольствуясь тѣмъ, что со-

лгала, она вдобавокъ скрывается отъ него, быть-можетъ, убѣгаетъ, завидя издали на улицѣ, — очень хорошо! Прекрасно! Передъ разлукой они простились, какъ искренніе друзья: казалось, ничто не мѣшало бы имъ такъ же пожать руки другъ другу при встрѣчѣ — по-дружески, просто и сердечно. Она не захотѣла этого. Почему?

О, на это могла быть только одна причина...

Поль Клодмэръ остановился у берега. Внизу море пылало, точно стеклянный куполь, подъ которымъ бунтуетъ пламя. Лимонный тучи, грозившіяся все выше, гасили этотъ безмолвный пожаръ. Что-то знакомое почувствовалъ молодой человѣкъ въ очертаніяхъ пейзажа, что-то напоминающее старый сонъ. И вдругъ онъ вспомнилъ: здѣсь, направо, должна быть стѣна съ колоннами и дверью въ игорную комнату. Прямо, гдѣ падаютъ полны, недостаетъ балюстрады, за которой промелькнула увозившая Дюшазетту дожда: дальше, на горизонтѣ, спущенный облачный софитъ скрытъ декорацию задняго плана, съ дворцами и башнями Венеціи... Онъ стоялъ какъ будто на авансценѣ: но тамъ, позади, откуда лежалъ его путь, не было партера: тамъ проходила аллея, обсаженная пальмами, въ тѣни которыхъ были разбросаны качели. Поль Клодмэръ вернулся на эту аллею и пошелъ по ней, глядя на песокъ, нечерченный слѣдами велосипедовъ, — пошелъ, самъ не зная куда. Вѣроятно, онъ приближался опять къ казино, потому что до него доносились звуки оркестра изъ парка. Внезапно послышался другой звукъ позади: предостерегающій сигналъ автомобиля. Поль Клодмэръ едва успѣлъ отскочить въ сторону, какъ мимо него пронесся экипажъ, окутанный облакомъ пыли.

Онъ видѣлъ этотъ экипажъ всего одно мгновеніе, но его было достаточно, чтобы разсмотрѣть пассажировъ. Жанна Дарто, въ широкой шляпѣ, подвязанной шарфомъ съ развѣвающимися концами, сидѣла рядомъ съ Прангомъ: лица обоихъ отпечатались во взглядѣ и сердцѣ молодого человѣка такъ отчетливо, какъ будто схваченныя объективомъ фотографической камеры. Жанна и Прангъ: каждый изъ нихъ въ отдаленности дѣлалъ въ его глазахъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ пребываніе здѣсь другого. Чтобы онъ не надумалъ колебаться и все-таки допустить ошибку, предусмотрительная случайность показала ему сразу обоихъ.

Поль Клодмэръ опустился на скамью. Имъ овладѣло какое-то странное отчужденіе, зловѣщее безмолвіе передъ грозой, подъ гнетомъ котораго проесяпались, какъ отдаленные раскаты грома, голова оскорбленнаго самолюбія, ревности, обиды и боли. Словно нарочно, оркестръ въ паркѣ послѣ перерыва началъ слѣдующій номеръ — надъ пустынной аллеей, пламеннѣй въ багрянцѣхъ заката, выплыли первые аккорды баркаролы Оффенбаха. Эти звуки, такіе сластолюбивые для тѣхъ, кто счастливъ, и полные такой безысходной тоски для обманутыхъ и одинокихъ, заставили молодого человѣка задрожать. Ему послышалась дышловская наемщица въ этой мелодіи, кѣсь будто умышленно отъѣхавшей на его боль своимъ жгучимъ прикосновеніемъ. Образъ Пранга снова всталъ передъ нимъ: не того Пранга, котораго онъ видѣлъ сейчасъ, — а другого, въ красномъ трико Мейфистифея, играющаго своимъ волшебнымъ алмазомъ. Поль Клодмэръ не былъ суевѣренъ, но, какъ всякій французъ, отличался склонностью къ мистицизму: въ эти минуты унынія и душевной слабости ему начинало казаться, что маска Гофмана, наѣтая имъ въ тотъ роковой вечеръ, отдала его судьбу во власть злой силы, которая издѣвалась теперь надъ своей жертвой.

Мимо пробѣжалъ экипажъ, Поль подозвалъ его и хотѣлъ отвезти себя домой. Закатъ разгорался все ярче, все фантастичнѣе, и молодой человѣкъ, несмотря на свое подавленное настроеніе, не могъ оторваться отъ этой странной и жуткой картины. Весь горизонтъ былъ точно залитъ кровью: казалось, что тамъ, въ вышинѣ, происходила молчаливая битва титановъ. Грозныя полчища тучъ охватывали землю и море со всѣхъ сторонъ, но солнечные лучи не хотѣли сдаваться: золотыми стрѣлами они разрывали враждебную стѣну и падали отвѣсно въ море, возвращавшее ихъ, какъ зеркало, мятежнымъ и грознымъ небесамъ. На набережной пальмы, скамейки, цѣтники, даже лица людей, окрашенные этимъ тревожнымъ отблескомъ, приняли чуждый и зловѣщій видъ.

Подъѣзжая къ своему отелю, Поль Клодмэръ обратилъ вниманіе на необычайное скопленіе публики въ прилегающихъ улицахъ. Толпа волновалась и гудѣла, какъ будто наэлектризованная видомъ воинственнаго заката. Оговенно слышались угрожающіе выкрики, значенія которыхъ онъ еще не понималъ. Мальчишка съ газетами пробѣжалъ мимо, надрываясь отъ крика: обрывки фразъ долетѣли до него. — «Германія объявила войну Россіи!.. Франція остается вѣрной союзническимъ обязательствамъ!.. Всеобщая мобилизація въ Парижѣ!..»

Поль Клодмэръ остановился на лѣстницѣ. Внизу дефилировала толпа, расцѣпленная трехцѣпными флагами; военный оркестръ, аккомпанируя тысячеголому хору, игралъ маршемъ. Вмѣсто изнѣженной мелодіи страсти, еще не отпавшей въ душѣ молодого человѣка, раздавалась теперь другая, — полная лязга мечей, героическая, объединяющая всѣ сердца въ одномъ благородномъ порывѣ любви къ родинѣ. Точно могучій призывъ, поднималась ибѣня победы и славы къ небсамъ, гдѣ догорала въ наступающей темнотѣ пророческая битва заката.

Толпа волновалась и гудѣла... (Глава III, стр. 712).

IV.

Начинался второй годъ войны.

Поль Клодмэръ, уже выслужившій погоны подпоручика, былъ раненъ въ Шампани раненъ случайно, не подя врага и не принимая участія въ бою. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ продолжалась бомбардировка города и расположенныхъ передъ нимъ позицій: бомбардировка эта, обыкновенно не причинявшая французамъ особенно большаго вреда, въ концѣ концовъ стала настолько привычной, что на нее почти не обращали вниманія. Потъ громъ канонады Поль Клодмэръ, какъ ни въ чемъ не бывало, распоряжался эвакуаціей раненыхъ на загроможденной повозками и автомобилями городской площади, когда германскій снарядъ, выпущенный дальнѣйшимъ оружіемъ, угодили въ зданіе ратуши. Взрывомъ были выбиты всѣ стекла въ окнахъ: осколки вѣтромъ разлетѣлись въ разныя стороны, и Поль Клодмэръ былъ раненъ однимъ изъ этихъ осколковъ въ плечо и лѣвую руку. Съ тѣхъ же санитарнымъ транспортомъ, которымъ забирали подпоручика Клодмэръ, его самого пришлось эвакуировать въ Парижъ, гдѣ онъ очутился въ лазаретѣ артистовъ Grande Opéra.

Онъ страдалъ не столько отъ раны, въ сущности, легкой, сколько отъ сознанія ея случайнаго характера, насильственно называя себя человѣкомъ, на котораго упала черепаха съ кровли. Онъ считалъ себя вычеркнутымъ изъ рядовъ арміи самой судьбой, отбѣхавшей его, какъ ненужнаго, быть-можетъ, недостойнаго. Подавленное настроеніе долго не покидало молодого человѣка, сильно затянута ходъ его болѣзни.

— Не будте же такъ терпѣливы! — говорилъ ему докторъ Блэзъ, веселый толстякъ: когда-то благодушно подсмѣивавшійся надъ простудами минувшаго тенора, онъ теперь ухаживалъ за раненымъ, какъ настоящимъ идиотомъ, не зная, чѣмъ его успокоить и ободрить. — Война вѣдь еще не кончена: иѣмцы ждутъ вашего возвращенія, и я увѣренъ, что при встрѣчѣ вы сумѣете спести съ ними ваши малые счеты.

— Если эта встрѣча вообще состоится когда-нибудь, — мрачно отвѣчалъ Поль.

— А почему иѣтъ? Неужели мы будемъ браковать такого молодца изъ-за пустой царапины? Возьмите только себя въ руки, и я ручаюсь, что вы скоро забудете навсегда о вашей перевязкѣ.

Случайность пришла на помощь оптимисту-доктору. Въ лазаретѣ, гдѣ лежалъ раненый, обязанности сестеръ милосердія исполняли артистки Grande Opéra, и ихъ знакомыя лица помимо волн возвращали мысль молодого человѣка къ той — отсуствовавшей, о которой онъ не смѣлъ спросить никого, ревниво оберегая свою тайну. Но однажды, проснувшись утромъ позже обыкновеннаго, онъ увидѣлъ около своей постели Жанну Дарто. Въ косыняхъ и апостольникѣхъ съ краснымъ крестомъ.

Это свиданіе произошло безъ свидѣтелей. Поль Клодмэръ помѣщался въ палатѣ вмѣстѣ съ двумя выздоравливавшими офицерами: въ то время, когда пришла Жанна, койки ихъ оставались пустыми. Окна были отворены настежь, бывшая стѣла палаты служила строгой и стильной рамой для картины пышнаго сентябрьскаго сада, полного дактофіолей и позднихъ розъ. Рядомъ съ этимъ яркимъ импрессионистскимъ пейзажемъ измѣнявшееся лицо Жанны казалось воздушнымъ, какъ изысканная настѣль: нѣсколько неуклюже положенныхъ итриховъ карандаша, подтемавшихъ рѣсницы, еще болѣе углубляли ея взглядъ, дѣлая его задумчивымъ и полнымъ скорби.

— Вы узнаете меня, мосѣ Поль? — спросила она тихо. — Вы меня еще не забыли?

Что можно было отвѣтить на этотъ вопросъ? Война всецѣло овладѣла душой Поля Клодмэра: образъ прекрасной Франціи, землю которой осквернили пришельцы, былъ все это время его единственнымъ кумиромъ. Но ни одна живая женщина не замѣнила Жанны въ его сердцѣ, и воспоминанія нахлынули на него съ неудержимой силой при видѣ молодой женщины, появившейся наконецъ въ тиши лазарета, гдѣ все говорило о ней, гдѣ невидимо все время ощущалась ея близость.

— Иѣтъ, я не забылъ васъ, — отвѣчалъ онъ, правдивый и искренний, какъ всегда.

Онъ опять видѣлъ въ ней друга: тяжелое и униженное прошлое не существовало для него болѣе. Въ тотъ разъ ихъ бѣда продолжалась недолго, и ни тотъ ни другая не коснулись въ ней воспоминаній объ этомъ прошломъ; но когда Жанна ушла, молодой человѣкъ долго не могъ успокоиться, и спать онъ въ эту ночь тревожно. Ему снилась новая Жанна, отказавшаяся отъ соблазновъ и радостей жизни ради краснаго креста на груди, который прощаль ей все, что было въ ней раньше темнаго и жгиваго: онъ, едва не потерявшій навѣки свою идеальную возвышенную любовь, теперь въ лихорадочныхъ грезяхъ приветствовалъ ея возвращеніе. И утромъ, снова увидѣвъ Жанну у своей постели, онъ встрѣтилъ ее улыбкой, которая благодарнымъ отблескомъ отразилась въ ея глазахъ.

Они стали видѣться каждый день. Ихъ бесѣды становились все болѣе продолжительными по мѣрѣ того, какъ молодые люди ближе узнавали другъ друга. Между ними точно рушилась стѣна, открывая для обоихъ сторонъ зрѣлище безоблачнаго голубого неба. И то, что было невозможно въ атмосферѣ кулисъ, баловъ и раутовъ веселящагося Парижа, казалось естественнымъ и неизбежнымъ здѣсь, въ этой простой цѣлмуздренной комнатѣ — обители героическаго и прекраснаго страданія.

— Мнѣ кажется, что я никогда не зналъ васъ раньше, — сказалъ ей однажды Поль.

Молодая женщина улыбнулась печальной улыбкой.

— Я сама не знала себя, другъ мой. Я точно родилась снова съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ на нашей землѣ — какъ женщина и какъ французка. Въ самомъ дѣлѣ, мое прошлое представляется мнѣ какимъ-то сномъ.

— Но вы хотѣли бы его возвращенія?

Жанна отрицательно покачала головой.

— Сны не возвращаются никогда.

— Вы ошибаетесь, Жанна. То, о чемъ вы сейчасъ говорили, испытать и я. Но одинъ изъ моихъ сновъ — самый прекрасный — возвратился.

Тонкая блѣлая рука, лежавшая на одеялѣ больного, слегка вздрогнула. Поль Клодмэръ взялъ эту руку и прикоснулся къ ней губами. Въ палатѣ было тихо, на соседнихъ койкахъ больные уже спали, но свѣтъ электричества еще не нарушалъ влѣгій мнѣхъ осеннихъ сумерекъ. И Полю казалось, что облетающій садъ за окномъ на утро вновь расцвѣтетъ, какъ весною.

Спусти нѣсколько дней послѣ этого разговора Поль Клодмэръ впервые покинулъ лазаретъ для прогулки въ автомобиль. Его здоровье восстанавливалось быстро: то, чего не могли ускорить врачебный режимъ и совѣты доктора Блэза, сдѣлала близость любимой женщины. Онъ видѣлъ въ открытомъ экипажѣ рядомъ съ Жанной, улыбающійся, счастливый, и ему не приходила въ голову мысль о томъ, что однажды — и не такъ давно — это мѣсто занималъ кто-то другой.

Былъ чудный день, полный тепла и солнца, опьяненный тѣмъ ароматомъ, который можно вдыхать только въ Парижѣ, въ благословенные дни бабьяго лѣта.

Экипажъ мчался по бульвару къ Елисейскимъ полямъ, гдѣ еще сохранились остатки баррикады, сооруженныя въ прошломъ году, чтобы преградить германцамъ дорогу къ сердцу Франціи. Поль Клодмэръ указалъ на нихъ Жаннѣ.

— Взгляните на эти срубленные деревья, — сказалъ онъ. — Наша исторія знаетъ не много такихъ величественныхъ памятниковъ. Они не понадобились, иѣмцы не дошли до Парижа: ихъ оставилъ народъ, который они презрительно называли вырождающимися и обреченными. Этотъ народъ проснулся, какъ вы, и совершилъ самый героическій изъ всѣхъ подвиговъ.

Жанна возмужаванно сжала его пальцы.

— Этой рукой, да?

— Этой? Иѣтъ. Меня тамъ не было, счастье биться за Францію на Марнѣ не было суждено мнѣ. Но я утѣшаю себя мыслью, что, благодаря этому, мы могли снова встрѣтиться съ вами. Теперь я сдѣлаю еще болѣе, чѣмъ сдѣлалъ бы тогда.

Онъ говорилъ тихо, склонившійся къ Жаннѣ, которая смотрѣла въ сторону, быть-можетъ, для того, чтобы скрыть слезы. Съ послѣдними словами молодого человѣка, она обернулась, губы ихъ встрѣтились.

V.

— Мадемуазель Дарто у себя?

— Иѣтъ, мосѣ. Въ это время она рѣдко бываетъ дома.

Поль Клодмэръ въ раздумьѣ стоялъ передъ камеристкой, заставшей въ своей кокетливой, хотя и церемонной позѣ. Часы

показывали пять; в половине восьмого отходил поезд в Бордо, с которым ему необходимо было уехать.

— Я подожду здесь, — заявил он, в полном противоречии с ходом своих мыслей, как это часто бывает.

Камеристка проводила его в знакомую комнату и удалилась, ничем не обнаруживая своего удивления по поводу несвоевременности этого визита.

Жанна Дарто жила в малолюдной части города, в двух комнатах, которые она обставила сообразно со вкусами своими и своего друга, расхаживавшего в немногочисленные. Это были две очаровательные бонбоньерки — самая подходящая раковина для такой жемчужины, как Жанна Дарто. Все здесь было хорошо знакомо Полю; каждую мелочь они приобретали вдвоем, как счастливые новобрачные. Жанна отказалась поселиться в квартире своего друга, шутливо объясняя свой отказ тем, что два артиста не могут ужиться под одной кровлей. Клодмэр же настаивал; занятый военной службой и вынужденный зачастую распределять свое время не совсем удобно, он понимал затруднительность совместной жизни при таких условиях для привыкшей к комфорту женщины. В конце концов ему ничто не мешало посещать в любое время уголок Жанны; но, вверив своим деликатным привычкам, он предпочитал делать это в определенные, заранее известные хозяйки часы.

«Если она очень задержится, мы так и не увидимся сегодня, — подумал Поль, восторженно поднимаясь с дивана. — Где она может пропадать по целым дням? Вот человек, который совсем не думает о своем здоровье!»

Он подошел к карте фронта, украшенной стеной. Его глаза искали черныш кружок с названием «Верден», не сходящим со столбцов газет и повторявшимся на все лады в Париже. Он провел пальцем ломаную линию вверх по карте, к бельгийской границе.

Звонок телефона прервал его размышления. Он взял трубку, ожидая вопроса Жанны; к его удивлению, послышался грубый мужской голос, спрашивавший хозяйку.

— Я иду дома, — сказал молодой человек. — Если угодно, я передам ей, что вы желаете.

Одну минуту в трубке было слышно только шум проводов; очевидно, говоривший колебался.

— Кто у телефона? Воишь?

— Да, это я!

Истинноговно он поддавался внутреннему чувству, заставившему его вызвать на откровенность неведомого собеседника, и ответил утвердительно, не думая о дальнейшем, — ответил с прямой и естественной интонацией, как опытный актер. Говоривший попался на удочку его мастерства, о котором, понятно, не мог догадаться.

— Передайте, что сегодня в девять часов ее ожидают на Северном вокзале. Четвертый перрон дальних поездов. Она должна быть непременно.

— А если бы я не увидел ее и не смог?

— Все равно, она придет. Время и место ей известны. Могли произойти изменения; я хотел только предупредить ее, что все остается по-старому.

Последовал отбой. Поль Клодмэр стоял у стола, с телефонной трубкой в руке. Он разужал спокойно и трезво: война научила его справляться со своими чувствами. Итак, Жанна еще раз обманывала его, постъ всего, что между ними было, а он — он даже не мог уличить ее, потому что против воли самъ сдѣлался похитителем чужой тайны. Для размышлений у него не было времени: за дверями слышались уже шаги и голос Жанны. Увидѣвъ своего друга, она смутилась, — такъ онъ заключилъ по ея шумной и нервной радости, показавшейся молодому человѣку превеличественной. Все въ ней теперь было для него лживымъ, все поддерживало мысль о притворствѣ и измѣнѣ.

— Прости, дорогой, — сказала она, — я заставила тебя ждать. У меня столько хлопотъ съ этимъ лазаретомъ и распределительнымъ пунктомъ.

— Передайте, что сегодня ее ожидают на Северном вокзале... (Глава V, стр. 714).

борьбы и только любовь Жанны, ее мольбы и слезы обезоруживали его, заставляя оставаться около любящей и любимой женщины. Теперь он думал, что несет справедливое наказание за свою слабость. Та, ради которой он маводушно измѣнилъ родни, измѣнила ему сама. Онъ уже не приводилъ, какъ раньше, никакихъ смягчающихъ, утѣшительныхъ доводовъ; онъ говорилъ о своемъ отпращеніи туда, откуда не возвращаются, какъ о свершившемся фактѣ, — холодно и спокойно.

— Но вѣдь вчера еще ты не думалъ объ этомъ? — простонала Жанна.

— Вчера? Нѣтъ, я объ этомъ думалъ всегда, съ самаго начала осады Вердена. Я только колебался — по теперь слишкомъ довольно этихъ недоговорныхъ колебаній. Я не хочу краснѣть за свое малодушіе, не хочу, чтобы я самъ и другіе считали меня недостойнымъ имени француза. Однимъ словомъ, это вопросъ рѣшенный.

— Въ такомъ случаѣ, я тоже буду просить, чтобы меня назначили въ одинъ изъ верденскихъ санитарныхъ отрядовъ.

Поль Клодмэр пристально посмотрѣлъ на нее; она выдержала этотъ испытующій взглядъ, и въ душѣ молодого человѣка снова пробудилось сомнѣніе. Не колеблясь, она готова была послѣдовать за нимъ туда, гдѣ даже служба сестры милосердія представляла совершенно исключительную опасность. Въ ея глазахъ тоже была рѣшимость, не уступающая рѣшимости Поля: она говорила правду, она его любила попрежнему. Но тогда этотъ таинственный разговоръ по телефону — что онъ значилъ? Здѣсь была тайна, которую необходимо было вывить во что бы то ни стало.

Поль Клодмэр посмотрѣлъ на часы. Пора. До половины девятаго ему нужно сдѣлать еще кое-какіе официальные визиты, а до вокзала не близко.

— Я вернусь завтра утромъ, — сказалъ онъ. — Тогда мы успѣемъ переговорить съ тобой обо всемъ подробнѣе.

Въ глубинѣ души Поль мучительно страдалъ за свой обманъ, но избѣгать его было невозможно. Путь шпиона имѣлъ свою логику, — думалъ онъ съ горечью, — укравъ одну тайну, онъ тѣмъ самымъ вынужденъ былъ сдѣлаться похитителемъ и другой. Правда, онъ обманулъ не первый — съ нимъ сдѣлали это раньше: по Полю было не легче отъ этого.

Когда онъ поцѣловалъ на прощанье руку Жанны, взявъ его упавъ на колыко, украшавшее эту изящную руку, котораго онъ не замѣчалъ раньше: золотое кольцо съ крупнымъ алмазомъ, сверкавшимъ ослѣпительно-яркими лучами.

Теперь онъ узналъ это кольцо и вспомнилъ, гдѣ онъ видѣлъ его въ первый разъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вальтеръ Гринвэй, шпионъ.

Рассказъ Роберта Холмса, полицейскаго священника *).

I.

Мнѣ сказали, что я отъ него ничего не добьюсь. Все же я зашелъ къ нему въ камеру — просто такъ, для очистки совѣсти. До суда онъ содержался въ участкѣ — за попытку проникнуть въ чужую квартиру, съ цѣлью грабежа. Мнѣ хотѣлось поближе познакомиться съ нимъ, чтобы, въ случаѣ, если егъ оправдаютъ, оказать ему посильную помощь.

Но, какъ мнѣ и предсказывали, я не добился отъ него ничего. Этотъ гибкій, невысокой человѣчекъ, лѣтъ тридцати, съ энергичнымъ пріятнымъ лицомъ и мечтательными большими глазами, выдавалъ себя за глухонѣмого.

Выраженіе его лица сразу же возбудило во мнѣ подозрѣніе: оно было слишкомъ умно для глухого. Одѣтъ онъ былъ весьма элегантно, что тоже казалось страннымъ: откуда могъ онъ добыть себѣ средства, если, какъ онъ самъ заявилъ, онъ не умѣетъ ни читать ни писать, и даже не понимаетъ тѣхъ знаковъ, которыми объясняются съ глухонѣмыми?

Я далъ ему понять, что я не считаю его ни глухимъ ни нѣмымъ.

Въ судѣ ему, какъ глухонѣмому, былъ данъ переводчикъ, инструкторъ глухонѣмыхъ, опытный и дѣльный человѣкъ. Но всѣ его усилія не привели ни къ чему: тщетно старался онъ вырвать хоть слово отъ этого страннаго субъекта.

Процессъ начался, но безъ большого успѣха.

— Будьте добры, объясните ему, въ чемъ мнѣ его обвиняютъ, — съ изысканной любезностью обратился судья къ переводчику, который былъ слегка обезкураженъ.

Секретарь прочиталъ обвинительный актъ. Пальцы переводчика замелькали съ неистовою быстротой. Порою онъ громко и рѣзко хлопалъ правой рукою по лѣвой. Обвиняемый смотрѣлъ на него съ учтивымъ и добродушнымъ вниманіемъ, но, видимо, не понималъ ничего. Тогда переводчикъ замедлилъ темпъ и еле-еле двигая пальцами, снова передалъ весь обвинительный актъ. Любопытство нѣмого угасло, со скукой глядѣлъ онъ на неутомимые пальцы, и въ концѣ концовъ началъ зѣвать.

*) Рассказъ этотъ не выдуманъ авторомъ. Это не беллетристика, а истинное происшествіе, быть. Книга Роберта Холмса, гдѣ собрано нѣсколько подобныхъ рассказовъ, имѣетъ сейчасъ въ Англіи огромный успѣхъ.

На саюнискомъ фронтѣ.

На аэродромѣ въ Салоникахъ. Палатки летчиковъ. Вокругъ каждой палатки разбиты цвѣтныя.

Оставить человека без нищи было немилосердно, жестоко. Но лишить его постели—это гадко! Не мудрено, что к нему вернулся дарь рѣчи.

— Послушай ты, скотина, идіотъ! завопилъ онъ бѣшенымъ голосомъ. — Куда ты унесъ одѣяло? Или ты хочешь меня умирить? Сейчас же принеси мнѣ постель и отдай назадъ одѣяло.

Надзиратель вернулся къ нему.

— А,—сказалъ онъ,— вы заговорили? Отлично. Я предчувствовалъ, что вы скоро излѣчитесь. Теперь, пожалуйста, какъ васъ зовутъ? чѣмъ вы занимаетесь? гдѣ вы живете? — и вы тотчасъ получите вашу постель и бѣду.

Тотъ немедленно сталъ мягокъ и кротокъ. Онъ показалъ, что зовутъ его Вальтеръ Гринвэй, что ему двадцать девять лѣтъ, что живетъ онъ въ городишкѣ поблизости, что по профессіи онъ служащій въ банкѣ, что онъ холостъ, живетъ у отца, бывшаго аптекаря, обладающаго небольшою капиталью.

Все это вполне удовлетворило полицію, и проголодавшійся былъ тотчасъ же накормленъ. Въ участіи воцарилась тишина.

II.

— Чтѣ же заставило васъ притвориться глухимъ и нѣмымъ? — спросилъ его на другой день мировой судья. — Вы причинили людямъ столько ненужныхъ хлопотъ. Какъ додумались вы до такой чепухи?

— Мнѣ не хотѣлось вѣдѣшивать въ это дѣло родныхъ, про-
бормоталъ подсудимый, вотъ почему я и притворился глухонѣ-
мымъ.

Увы, это была новая ложь. Полиція къ тому времени доста-
точно знала его предыдущую жизнь. Его отецъ дѣлалъ немало
попытокъ помочь ему, облегчить его участь. Никогда этотъ мо-
лодой человѣкъ не сбѣгивался вползая въ свои дѣла своихъ
родственниковъ, если отъ этого ему была хоть малѣйшая выгода.
Каковы бы ни были причины, заставившія его притвориться нѣ-
мымъ и глухимъ, его родственники были зтѣсь ни при чемъ.

Дѣло продолжалось безъ задержки. Вскорѣ оно перешло во вто-
рую инстанцію, въ судебную палату, и тамъ была подробно
ислѣдована вся уголовная его біографія.

Оказывается, онъ получилъ блестящее образованіе, выказалъ
большія способности; въ банкѣ былъ незаменимымъ, безцѣннымъ
работникомъ; превосходно владѣлъ языками: по-нѣмецки, напри-
мѣръ, говорить и писать такъ свободно, что его можно было
принять за привожденнаго нѣмца. Было ясно, что до преступле-
ній его довелъ не нужда, что онъ сдѣлался грабителемъ безъ
всякой причины — просто изъ любви къ этому искусству.

— Онъ взбирается на крышу, какъ кошка, — доложилъ мнѣ
одинъ изъ сыщиковъ, не безъ тайнаго восторга предъ ничѣмъ,—и
какъ ловко онъ прыгаетъ тамъ наверху, на шестомъ, на седь-
момъ этажѣ: намъ и внизу такъ не прыгнуть! Попробуй, поймай
его тамъ наверху! Это все равно, что охота за тигромъ. Онъ
вдругъ соскользнетъ по водосточной трубѣ и окажется на двѣсти
ярдовъ дальше, чѣмъ вы его ждете, и вамъ не поймать въ его
никогда, если бы онъ не былъ такимъ идіотомъ, и самъ не под-
пускалъ васъ къ себѣ, чтобы подразнить и познать васъ и по-
смотреть, какъ онъ замучитъ васъ своей бѣготней. Только это и
губитъ его всякій разъ.

Девять разъ полиція ловила его на мѣстѣ преступления, тамъ,
на крышахъ. Онъ всегда пробирался въ чужія квартиры чрезъ
чердачное окно—не иначе. Кромѣ этого влеченія къ грабежу,
въ немъ не было никакого другого порока: онъ не пилъ, не
курилъ, не игралъ въ карты, былъ милымъ и скромнымъ мо-
лодымъ человѣкомъ. Но, конечно, службой въ банкѣ онъ не могъ
заниматься регулярно, съ тѣхъ поръ, какъ промѣнять свою кон-
торку на крышу, — съ двадцатилѣтняго возраста. По какой-то
счастливой случайности онъ всегда попадалъ на мягкосердечнаго
судью, и тотъ назначалъ ему самое легкое наказаніе. — не каторгу,
а только тюрьму. Въ этотъ разъ случилось то же самое. Когда
онъ отбылъ свое наказаніе, онъ пожелалъ повидаться со мною.

— Пошлите меня куда-нибудь подальше. Здѣсь мнѣ оста-
ваться нельзя. Мои родные не желаютъ меня знать. Тюремный
священникъ доказывалъ мнѣ, что я замѣчательный малый, что
они должны гордиться такимъ сокровищемъ, какъ я,—но это не
привело ни къ чему, это только ухудшило дѣло. Они знаютъ
меня лучше, чѣмъ онъ. Попъ перестарался: ужъ очень его уни-
лило, что я такъ ловко перевелъ для него какую-то нѣмецкую
чужь. Родные отвернулись отъ меня, и я не виню ихъ за это.
Довольно они со мною намучились. Они дали мнѣ съ дѣтства
такъ много хорошаго, а я... Глупо было бы съ ихъ стороны при-
нимать меня опять въ свое лоно.

— Займитесь какимъ-нибудь дѣломъ,—сказалъ я ему. — У васъ,
такъ много разнообразныхъ талантовъ. Въ тюрьмѣ вы были пе-
речетчикомъ, бухгалтеромъ, типографомъ, художникомъ—не
такъ ли? А до того, какъ попали въ тюрьму, вы были контор-
щикомъ, корреспондентомъ, грабителемъ, глухонѣмымъ—и мало
ли нѣмъ еще. Кстати, чтѣ это вамъ пришло въ голову разыгры-
вать тогда глухонѣмого?

— Глупый капризъ, вотъ и все. Хотѣлось подшутить надъ по-
лиціей... Пустое озорство, базовство... Его лицо искривилось въ
улыбку, и онъ продолжалъ: Можетъ-быть, вамъ это покажется
страннымъ, но, ей-Богу, это сущая правда: всякій разъ, какъ я
вижу на крышѣ окно чердака, я не могу противостоять иску-

шенію. Куда бы я ни шелъ, мои глаза противъ воли поднимаются
вверхъ. Я замѣчаю, какъ беззаботно большинство обывателей
въ отношеніи своихъ чердаковъ, и мнѣ хочется доказать имъ,
что они заблуждаются, считая себя въ опасности. Такъ я гибну
изъ-за своихъ дарованій, изъ-за этой проклятой способности кара-
бкаться по каждой водосточной трубѣ и прыгать по крышѣ,
какъ котъ. Мнѣ никогда не исправиться въ мѣстности, гдѣ есть
чердаки, или хотя бы вторые этажи. Для меня было бы очень
полезно поступить куда-нибудь на пароходъ и отправиться въ
дальнее плаванье. Я могъ бы взбираться на мачту, не при-
чиняя никому несправности. Тамъ не было бы никакихъ иску-
шеній. Или въ индѣйской деревнѣ, гдѣ сплошь одни вигвамы,
или въ лагерѣ бедуиновъ, гдѣ никакихъ чердаковъ. Тюремный
попъ говорилъ совершенную правду, описывая мое ангельское
поведеніе въ тюрьмѣ. Я вѣдь себя и впрямь херувимомъ. А по-
чему? Потому что мнѣ ежедневно давали возможность забираться
въ самыя высокія сферы: красить карнизы, чистить трубы и
прочее. Такія развлеченія отвлекли меня отъ пороковъ. Кромѣ
того, верхнія окна тамъ украшены рѣшеткой, какъ и нижнія.
Пошлите же меня въ морское плаванье, а не то — вы увидите —
мнѣ опять не избѣжать искушенія.

Странный это былъ человѣкъ. Чистосердечно признавался въ
своихъ порокахъ и слабостяхъ, и все же былъ такой очарова-
тельный, милый. И даже, по существу, озабоченный.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды я получилъ письмо отъ одной ко-
рабельной компаніи, съ просьбой прислать подходящихъ людей.
Я и рѣшилъ отрекомендовать туда Вальтера Гринвэя, ибо не
было резонновъ опасаться, что онъ кому-нибудь причинитъ без-
покойство.

Такъ онъ уѣхалъ, и нѣсколько лѣтъ я не слышалъ о немъ
ничего.

III.

Но вотъ въ ноябрѣ получаю отъ него длиннѣйшее посланіе,
написанное съ явнымъ расчетомъ вытравить изъ моего ума
окончательно всякое воспоминаніе о его недавнихъ грѣхахъ.
Недѣлго было читать это посланіе, ибо все оно написано каран-
дашомъ на двадцати пяти различныхъ клочкахъ выщѣпшей, по-
желтѣвшей бумаги. Буквы кое-гдѣ стерлись, такъ что о содер-
жаніи нѣкоторыхъ строкъ можно было только догадываться.

Воспроизвожу это письмо по памяти, не ругаясь за абсолют-
ную точность:

«Гдѣ-то въ благословенной Месопотаміи блуждастъ загорѣ-
лый, глухонѣмой бедуинъ въ такой степени похожій на меня,
что я счелъ бы его за родного брата, если бы не его одѣяніе.
Тамъ онъ ежится, несчастный калѣка, неспособный понять
ничего въ томъ, чтѣ дѣлаютъ сейчасъ его единобѣрцы, ихъ ту-
рецкіе владыки, и нѣмцы—владыки этихъ владыкъ.

«Считаю, что его злая болѣзнь, посланная ему всевышнимъ
Аллахомъ, они позволяютъ ему бродить, гдѣ вздумается, въ лаге-
ряхъ, въ окнахъ. — вездѣ. Ихъ забавляетъ, съ какимъ ребяче-
скимъ ужасомъ заглядываетъ онъ въ заряженные пушки, какъ
онъ вздрагиваетъ, когда въ лабиринтѣ траншей наткнется на
потасиное орудіе. Они даютъ ему постель и, покуда онъ бѣтъ,
они боятся обо всѣхъ своихъ планахъ и замыслахъ, а турецкіе
и нѣмецкіе начальники издаютъ при немъ свои приказы,
ибо онъ глухъ и не можетъ слышать, ибо онъ нѣмъ и не мо-
жетъ ничего никому разсказать.

«Уставъ отъ блужданій, онъ уходитъ изъ лагеря, и никто не
остановитъ его. Вѣдь онъ — отбѣжанный Господничи перстомъ,
ему нѣтъ причинити никакого преда, ибо Аллахъ отомститъ за
него.

«Такъ онъ проходитъ изъ лагеря въ лагерь, и, видя, какъ под-
готовлены турки къ войнѣ, его испуганнымъ, большіе глаза ста-
новятся все чернѣе, пугливѣе.

«Иногда онъ пробирается къ англійскимъ полиціямъ, — всячески
однако избѣгая встрѣчаться съ невѣрными. Вчера его встрѣтили
наши солдаты. Онъ былъ ужасно измученъ и голоденъ. Къ счастью,
вотъ-вотъ упадетъ. Солдаты привели его въ землянку и накорми-
ли его. Онъ бѣлъ съ отвращеніемъ, отплевываясь, и, казалось,
онъ проклинаетъ невѣрныхъ, которые спасли его отъ голодной
смерти. Въ одно и то же время его лицо выражало и страхъ, и
бесиліе, и гнѣвъ. Вскорѣ ему, видимо, нафѣли солдаты, при-
ставившіе къ нему со всѣхъ сторонъ, и онъ отправится въ глав-
ную квартиру, куда его почему-то впустили.

«Тамъ, конечно, никому не удалось выпарапать у него ни
малѣйшаго свѣдѣнія о расположеніи вражескихъ позицій, о коли-
чествѣ тамошнихъ войскъ. Глаза-то у него были, если не было
слуха, и эти глаза видели много драгоценныхъ вещей, но —
увы! — онъ былъ нѣмъ и не умѣлъ писать. Если бы только нашему
штабу были доступны тѣ свѣдѣнія, которыми обладалъ этотъ
глухонѣмой, многія тысячи человѣческихъ жизней были бы со-
хранены и спасены...

«Но вотъ онъ засуетился, собрался уходить. Можно ли до-
верить ему это письмо? Чтѣ жъ, рискну — была не была! Цѣннаго
въ письмѣ мало, а бумага дрянная: лучшей я нигдѣ не могъ
достать. Часто собираю я написать вамъ, чтобы вы знали, что
и я слѣжу, какъ могу, моею родиной, здѣсь, въ Месопотаміи,
подъ лютымъ, палящимъ солнцемъ. Я описалъ вамъ этого глухо-
нѣмого, ибо, какъ вы знаете, когда-то и я пробовалъ исполнять
его роль. Конечно, онъ исполнитъ свою роль превосходно, го-

Индійскіе кавалеріи.

На западномъ фронтѣ.

раздо лучше меня, но ибди и то сказать: ему не приходится имбть дбдо съ вашей англійской полицией, которая такъ подозрительна. Можетъ-быть, онъ и не лучше меня, а просто ему повезло: вмбсто тбхъ христіанскихъ собакъ, которыя окружаютъ меня, его окружаютъ наивныя дбти Аллаха.

«Если онъ не потеряетъ этого письма по дорогб, и оно въ концб концовъ дойдетъ до васъ, помолитесь за этого ббднаго отверженнаго бедунна, во имя того глухонбмого, съ которымъ вы пробовали когда-то бесбдовать въ далекой полицейской тюрьмб.

«Пожалуйста, нбвбстите меня, дошло ли до васъ это письмо, ибо я почему-то питаю большое довбріе къ своему двойнику, — братскую какую-то симпатію, — и если вы откликнетесь и пошлете мнб на его имя письмо, я опишу вамъ подробно всб свои приключенія за тб восемь лбтъ, что протекли со времени нашей разлуки».

IV.

Итакъ, вотъ гбъ онъ наконецъ очутился! Въ Месопотаміи, въ британскихъ войскахъ, въ качествб шпіона-развбдчикъ! Опасная, но цбнная служба. Пригодилось ему прежнее умбніе разыгрывать роль глухонбмого. Когда я прочиталъ его письмо, сердце у меня захолонуло: не одобровать молодцу. Но искорбъ я сообразилъ, что эта роль — самая для него подходящая. Онъ такъ артистически знаетъ ибмбщій языкъ и, несомбнно, за восемь лбтъ своего житія на Востоке, успблъ отлично изучить и арабскій и турецкій языки.

Признаюсь, этотъ ловкій парень привнесъ меня въ такое восхищеніе, что я отправился на поиски его родныхъ. — но напрасно. И мать и отецъ у него умерли, такъ и не узнавъ о томъ оредбъ геройства, который окружаетъ ихъ сына.

Онъ былъ ихъ единственнымъ сыномъ, и я не могъ отыскать

Колонія для дбтей русскихъ добровольцевъ, сражающихся въ рядахъ французской арміи, въ Fontenay-aux-Roses близъ Парижа.

о христіанскихъ праздникахъ Рождества и Крещенія. «Одинъ дезертиръ, переббжавшій на наши позиціи, рассказалъ, что турки продавали о визитахъ глухонбмого къ намъ и потому встрбтили его съ большимъ подозрбніемъ. Они внезапно стрбляли изъ ружья у него надъ самымъ ухомъ и смотрбли, не вздрогнулъ ли онъ. Они ставили его возлбъ большаго орудія и начинали такую пбтбу, что у ббдняги отъ сотрясенія воз-

въ нашей мбстности ни одного, даже отдаленнаго, родственника. Это меня очень опечалило, такъ какъ, не съ кбмъ было подблиться моею радостью, и главное, не о чемъ было ему написать.

Такимъ образомъ мое отвбтное письмо врядъ ли показалось ему интереснымъ. Я просто выразилъ ему свой восторгъ, а также надежду, что онъ выйдетъ живымъ и невредимымъ изъ всбхъ рискованныхъ своихъ приключеній. Отправилъ я это письмо по тому курьезному адресу, который былъ имъ указанъ, — хотя и не могъ понять, почему это онъ не хотбтъ, чтобы письмо было послано прямо въ британскую дбйствующую армію, на его настоящее имя.

Въ февралб я получилъ отъ него новое большое письмо.

«Чортъ возьми, какъ прилипаетъ къ человеку дурная его репутация! Развб я намъ писалъ, что я разыгрываю роль глухонбмого? Я сообщалъ вамъ объ одномъ человекб, до того похожемъ на меня, что онъ могъ бы сойти за моего брата, но, пожалуйста, учитель, не думайте, что это былъ я, — нбтъ и нбтъ! Воздайте должное ббдному малому, не отнимайте у него его заслугъ! Не приписывайте его добродбтелей такому шалонаю, какъ я.

«Итакъ, онъ отправилъ мое посланіе къ вамъ черезъ военную почту, а самъ отправился къ своимъ единовбрцамъ, чтобы провести съ ними Святки, хотя сыны Аллаха едва ли слышали

Колонія для дбтей русскихъ добровольцевъ, сражающихся въ рядахъ французской арміи, въ Fontenay-aux-Roses близъ Парижа. Группа призрбваемыхъ дбтей съ директоромъ колоніи П. И. Фидлеромъ.

духа ила кровь изъ ушей и поздравей. Онъ оказался наизавудъ глухимъ. Съ этой стороны онъ не опасенъ. Но, можетъ-быть, онъ не лишится дара рбчи! Кто знаетъ, ибмой ли онъ.

«Горячее желбзо, прикладываемое къ различнымъ частямъ его тбла, показалось достаточнымъ средствомъ, чтобы вырвать изъ него хоть словечко. Средство оказалось недействительнымъ, хотя онъ будетъ до самой могилы носить на тблб эти страшные ожоги. Они попробовали также вырвать у него два-три ногтя. Слезы градомъ катились у него по щекамъ, но онъ все же не промолвить ни слова, а только стоналъ и кричалъ. Тогда они уббдили, что онъ дбйствительно глухонбмой, а не притворникъ, — и стали молиться, чтобы ихъ миновалъ праведный гббъ Аллаха за то, что къ страданіямъ несчастнаго, отмбченнаго Божьимъ перстомъ, они прибавили новую муку. Они стали относиться къ нему съ презрбтельной ибжностью. — такъ сообщилъ дезертиръ. Онъ снова сталъ бродить по турецкому лагерю, чуть только немного оправившись.

«Когда онъ появился на нашихъ позиціяхъ, его пальцы, у которыхъ были вырваны ногти, представляли собой ендошную язву. Рука была изъбдена гангреной. Докторамъ пришлось отбзать его лбвую руку. И тутъ случилось чудо: онъ заговорилъ!

Школьная подписка на военный заемъ въ Англій.

Онъ заговорилъ — и горе проклятымъ мучителямъ, преступившимъ великую заповбдь своего великаго пророка. Онъ выдалъ всб ихъ планы, описалъ расположеніе ихъ войскъ, батарей и резервовъ, съ такой аккуратностью, съ такой математической точностью, которой никакъ нельзя было ожидать отъ простодушнаго сына пустыни.

«Теперь онъ не человекъ, а развалина. Должно-быть, турки, заподозрбвъ, что онъ шпіонъ, плохо кормили его. Говорятъ, они давали ему всякую гниль и пили несвбжей водой. Онъ заболблъ жестокой дизентеріей. Докторамъ пришлось-таки повозиться съ нимъ.

«Всбмъ было любопытно узнать, какова его дальбйшая судьба, ибо, заговоривъ, онъ сообщилъ окружающимъ, что въ тысячб миль отъ Адена у него есть клочокъ земли, жена и тройка превосходныхъ ребятъ, которые ждутъ не дождутся его возвращенія.

«Тамъ онъ жилъ тихо и мирно послбднія восемь лбтъ, но, услышавъ, что грянула война, воспламенился, и его потянуло пойти и повоювать «за Георга», — такъ называлъ онъ нашего короля, — фамильярность, быть-можетъ, простительная въ человекб, который былъ такъ долго нбмымъ.

«По странной случайности, я и самъ живу неподалеку отъ Адена, и у меня есть жена и тройка превосходныхъ ребятъ, которые ждутъ не дождутся моего возвращенія. Мнб тоже отбзали руку. Я тоже страдаю отъ жестокой дизентеріи. Не правда ли, мы страшно похожи? Конечно, я не въ правб сердиться на васъ за то, что вы не хотите признать высокой доблести моего двой-

ника, но и не могу отказать ему въ своемъ уваженіи, — и до гроба не оставлю его.

«Онъ говоритъ, что мы, — братья по крови, — прошли чрезъ тб же самые ужасы, сражались въ однихъ рядахъ, имбемъ одинаковыя раны. Выббтъ мы и выйдемъ въ отставку, въ виду непригодности для дальбйшей дбйствительной службы. Выббтъ мы проберемся къ тому клочку земли подлб Адена, который служить намъ домомъ, — и, можетъ-быть, я расскажу вамъ о немъ еще кое-что, когда мы очутимся тамъ.

«Теперь два слова обо мнб самомъ. То мбстечко, о которомъ я сейчасъ говорю, я увидблъ, проббжая по Красному морю, и думать о немъ всю дорогу, пока мы не прібхали въ Коломбо. Я не могъ изгнать его изъ своей головы. И едва сошелъ съ парохода, немедленно направился туда.

«Мнб страшно понравилась мбстность, расположенная на высокомъ холмб, нать самымъ моремъ, окруженная лбсомъ. Почему мнб она понравилась, ей-Богу, не знаю, — можетъ-быть, потому, что тамъ жила одна женщина, съ которой я познакомился въ Адени.

«И вотъ теперь это мбсто — мой домъ. Эта женщина — моя жена. Если бы я привезъ ее въ Англій, многие повернулись бы

къ ней спиной, ибо цбтъ ея кожи — не бблый. Но сердце у нея золотое. По духу она гораздо больше британка, чбмъ многія ея ббзлыя сестры, называющія себя этимъ именемъ. Она не удерживала меня возлб себя, когда я сказалъ ей, что хочу воювать. Напротивъ, она облегчила мнб мое поступленіе въ армію, сказавъ, что и сача безъ меня сумбетъ справиться съ нашей плантаціей.

«Кб сожалбнію, она не умбетъ ни читать ни писать, такъ что я не получаю о ней извбстій съ прошлаго лбта. Я жажу снова увидбться съ нею и со своимъ дбтьми. У меня двб дбвочки и мальчикъ. Какое мнб дбдо, что у нихъ темная кожа. Если бы у меня у самого не было темной кожи, — развб могъ бы я сдблаться хорошимъ шпіономъ... Вотъ я и проговорился, выдалъ вамъ весь свой секретъ, — но, скажите, что же мнб было дблать, чтобы послужить своей родинб! Строевыхъ пріемовъ я не знаю. Если бы я вздумалъ пойти добровольцемъ, стали бы справляться о моей прежней сущности. Вотъ я и подумалъ, что въ качествб глухонбмого я принесу наибольшую пользу. На этотъ разъ я игралъ свою роль лучше, чбмъ тогда, въ нашей камерб. Тогда мнб нечего было терять. А теперь я съ удовольствіемъ думаю, что моя игра пригодилась, что я хоть чуточку да помогъ нашей арміи.

«Теперь мнб пора уходить. Моя служба уже больше не надобна. Я сталъ инвалидомъ, пора на покой. Но я не одинокъ, дома меня ждутъ съ нетерпбніемъ, и дай Богъ, чтобы жидкаго встрбтили дома такъ горячо, какъ меня. Здбсь будетъ награда за все. Всего хорошаго! Прощайте!»

Побѣда.

Рассказ В. Роншина.

Ефрейторъ Василий Антоновъ перекрестился и перепрыгнулъ черезъ заборъ. Велѣдъ за нимъ перепрыгнулъ и казачій урядникъ Аванасій Овсюкъ. Оба отбѣжали въ кусты и легли на сырую землю. Было очень темно. Изъ лагеря пѣнныхъ доносились слова вечерней молитвы.

— Кажись, никого,—сказалъ Антоновъ и, поднявъ голову, посмотрѣлъ на звѣзды.—Намъ сюда, вонъ на эту звѣзду.

Они встали и, перерѣзавъ конопляное поле, вышли на большую дорогу. Лагерь остался направо, и уже не было слышно солдатскаго „Отче нашъ“. Ночь была росистая, влажная. Въ травѣ звенѣли сверчки. Пахло медомъ. Антоновъ шелъ быстро, держась прямо, точно въ строю, и въ тактъ махая руками. Овсюкъ, хотя и былъ выше ростомъ, едва поспѣвалъ за нимъ.

— Ложись, тебѣ говорю. За день здѣсь сплещемся, а ночью опять пойдемъ.

Овсюкъ подумалъ и тоже легъ на траву.

Они снали до полудня. Только когда июньское солнце, пробиваясь сквозь густую листву, начало жечь лицо, Антоновъ всталъ и, отыскавъ незамѣченный наканунѣ ручей, напился теплой воды. Потомъ онъ опять заснулъ.

Вечеромъ они снова шли, уже безъ дороги, прячась черезъ засѣянный поля, все на западъ, на зеленую, сверкавшую въ небесахъ, звѣзду. Передъ разсвѣтомъ они услышали отдаленный и прерывистый рокотъ.

— Никакъ пушка?

— Пушка и есть.

Плѣнные.

— Ты дорогу-то знаешь?
— Я тебѣ говорю: на звѣзду.
— Много ихъ, этихъ звѣздъ.
— Ладно, иди за мной.

Впереди заскрипѣла телега, и изъ-за поворота выѣхалъ нѣмцкій крестьянинъ.

Овсюкъ остановился.

— Влопались... Такъ и есть.

— Молчи...—отвѣтилъ Антоновъ и поздоровался:—Abend!

Телега проѣхала мимо, и еще долго по каменному шоссе слышались подкованные коня. Антоновъ прибавилъ шагу. Теперь Овсюкъ почти бѣжалъ рядомъ съ нимъ. Оба устали. Съ обоихъ капалъ потъ.

Такъ, не останавливаясь ни на минуту, они шли всю безконечную ночь. Когда надъ дугами закрубили бѣлый туманъ и подулъ предутренній вѣтеръ, Антоновъ сошелъ съ дороги и спустился въ лошину. Въ лошину было свѣжо, шуршала тростинка, и взапуски кричали лягушки. Антоновъ оглядѣлся кругомъ и легъ.

— Ложись.
— Чего?

Они вошли въ перелѣсокъ и опять проспали до ночи. А потомъ снова шли по полямъ. Было холодно, и накрапывалъ дождь.

Утромъ Овсюкъ сказалъ:

— Не могу больше. Третьи сутки не ѣлъ.

— Ну такъ что, что не ѣлъ?

— Не могу.

Антоновъ покачалъ головой:

— А еще тоже... казаки...

Овсюкъ, огромный, заросшій русою бородой, насупилъ сердито брови:

— Тебѣ ничего, а я большой, мнѣ и ѣсть надо больше... Сказано: не могу.

Въ сторонѣ, у проселка, въ дымчатой дождевой кисей, виднѣлась одинокая ферма. Во дворѣ кудахтали куры. Мычала теленокъ. Остро пахло навозомъ. Антоновъ постучалъ въ окно. Дверь отворилась, и въ сѣняхъ показалась старуха,—сгорбленная, въ сѣромъ платкѣ. Увидѣвъ солдатъ, она испуганно замала руками.

— Моген!—сказалъ Антоновъ и прибавилъ по-русски:—Не бойся, тетка, мы не гроемъ: мы русскіе.

Но старуха не понимала. Она подозрительно осматривала его. Тогда онъ перевелъ по-нѣмецки:

Russen... Поняла?... Russen...

Они оба были высокіе, крѣпкіе, съ добродушными лицами и наивными, почти дѣтскими, голубыми глазами. Настоящіе сказочные богатыри. Старуха еще разъ, уже ласково, взглянула на нихъ.

— Вы русскіе?

— Да, да...—радостно подтвердилъ Овсюкъ.

Тогда она заговорила не по-нѣмецки, а по-французски:

— Я французженка. Я не нѣмка. Идите сюда. Идите.

И пустила ихъ въ домъ.

Они ѣли, какъ голодные, не ѣвше трое сутокъ, люди—быстро, жадно, глотая куски и пашкору заливая сидромъ. Старуха заперла ставни и затворила двери на ключъ. Теперь она улыбалась.

А потомъ они спали на душистой соломѣ и, засыпая, слушали, какъ теленокъ корочается въ хлѣву, и чѣмъ слышась, что они дома, въ русской деревнѣ, и что завтра чуть свѣтъ надо ѣхать пахать.

Передъ разсвѣтомъ старуха просталась съ ними. Она выпнула два серебряныхъ образка съ изображеніемъ дѣви Маріи.

— Да хранить васъ Господь!

Они кланялись и благодарили. А когда опять вышли въ поле, Овсюкъ потрогалъ свой образокъ и мрачно сказалъ:

— Образокъ-то не нашъ...

— Чего?

— Образокъ, говорю, басурманскій.

— Богъ-то, небось, одинъ.

— То-то одинъ, а все-таки, какъ бы грѣха не вышло...

Въ полночь подулъ угрюмо вздыхали орудій. Иногда загораались огни стрѣляли нѣмецкія батареи. Антоновъ сѣлъ на кобылу и ухомъ припалъ къ землѣ. Онъ слушалъ. Онъ слушалъ, какъ слышась лѣсной человѣкъ, крестьянинъ, выросшій въ сосновомъ лѣсу, среди необозримыхъ и тихихъ, всегда молчаливыхъ, полей. Овсюкъ со вниманіемъ слѣдилъ за нимъ.

— Направо, въ деревнѣ, ихняя кавалерія.

— Много?

— Съ эскадройъ будетъ... Наѣво пушки. Прямо, должно-быть, траншея. Намъ сюда. Вотъ этой тропинкой,—рѣшилъ Антоновъ и, не колеблясь, пошелъ впередъ. Овсюкъ бѣгомъ вбѣжалъ за нимъ.

Они были въ тылу нѣмецкихъ позицій, но не встрѣтили никого. Пройдя съ версту, они легли и стали подвигаться ползкомъ. Антоновъ ползъ быстро, совершенно сливаясь съ землей. Овсюкъ шхтѣлъ и старался не отставать. Вдругъ онъ вскрикнулъ:

— Проволока, чортъ ихъ возьми!

Въ гостяхъ у казаковъ. Офицеры „боевой“ сотни 50-го Донскаго казачьяго полка на позиціи. Снято подъ обстрѣломъ противника. Въ центрѣ жена командира сотни Т. Е. Ушакова. Съ палкой — сотрудникъ „Нивы“ Б. Курскій (псевдонимъ), тяжело раненый, но пріѣхавшій „погостить“ на позицію.

„Бойцы вспоминаютъ минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они“. Рядомъ слушай: уцѣлѣвшіе за два года войны офицеры п. К-го полка въ первый разъ за все время сошлись „поговорить“ о минувшемъ... Увы, ихъ мало осталось, но оставшіеся бодрѣ и полны готовности биться до конца. Снято въ фольваркѣ подъ сильнѣйшимъ обстрѣломъ противника у Д.

Онъ дернулъ ногой, и въ ту же секунду звонко зазвенѣли колокольчики. Кто-то рванулъ, въ двухъ шагахъ отъ него, выстрѣлить въ гермогу. Потомъ кто-то скомандовалъ:

Пал!

Но они не остановились: они пробились черезъ колючія лагранже-нія, точно медведи черезъ лѣсную чащу. Руки и ноги ихъ были въ крови и влатѣ въ лохмотьяхъ. Теперь нѣмцы стрѣляли со всѣхъ сторонъ: сзади, справа и слева. Свистѣли пули, и жалобно звонили колокольцы. Антоновъ, продираясь, молился:

— Спаси, Господи... Спаси. Царица Небесная...

И Овсюкъ повторялъ за нимъ:

— Спаси, Царица Небесная.

А потомъ они долго лежали въ глубокой и мокрой ямѣ, почти не смѣя дышать и не вѣря, что спасены. Когда забрезжилъ на востокъ разсвѣтъ, но солнце еще не взошло, Антоновъ осторожно взглянулъ, что дѣлается кругомъ. Онъ поднялъ голову и почувствовалъ сладковатый запахъ. Онъ понималъ, что это нѣмецкіе трупы, а значитъ французы недалеко. Гдѣ-то щелкнулъ ружейный замок. Антоновъ кашлянулъ. И въ отвѣтъ уже не сзади, а впереди прокатился винтовочный выстрѣлъ. „Французы

налететь, — прошенать в пену Овсюк, и в то же мгновение над ячей внезапно взвилась ракета и повисла свечой. Годубоватым сиянием осветились изрытые снарядами поле и опушка леса, Овсюк и Антонов вскочили и подняли руки вверх: Мы — русские... Русские... Русские...

Когда они наконец очутились во французской траншее и их окружили солдаты в касках и шинелях, Антонов сел, заплакал, как маленький мальчик. Антонов снял шапку, перекрестился и, обращаясь к французам, сказал:

Слава Богу... За союзников. За Францию. За Россию.

Западный фронт.

На пути к врагу. Отправка разрывных гранат в траншеи.

Дневник военных действий.

К. Шумского.

Достройка „стѣпы“.

Румынская операция продолжает быть в настоящий момент центром тяжести мировой войны. По мере того, как вступала в свои права осень, эта операция получала все большее и большее развитие, и в связи с постепенным наблюдавшимся затиханием на главных фронтах войны, на румынских театрах стали скопляться все большие и большие силы обеих сторон.

При таких условиях, положение Румынии несомненно представлялось серьезным, что, однако, следовало понимать лишь в том смысле, что румынские театры войны должны были стать в течение некоторого, довольно значительного, периода времени ареной главной и весьма ожесточенной борьбы весьма больших сил обеих коалиций.

Война, затнувшаяся уже на третий год, начинает приобретать, в извѣстных отношениях, некоторую закономерность. Мы уже по опыту знаем, что весной и летом разыгрываются ожесточенные операции на главных фронтах войны, осенью на них наступает затихание, но зато разыгрываются весьма важные и серьезные операции на второстепенных театрах, главным образом на Балканах, и, наконец, в течение двух-трех зимних месяцев наступает некоторое затихание почти на всех фронтах войны, где обе стороны накапливают новые силы для следующего, такого же колоссального, злача борьбы.

Поэтому не нужно было быть каким-либо пророком, чтобы еще в августе ожидать, что и нынешней осенью получить весьма большое развитие стратегически и политически важные операции на Балканах, и из них, в первую голову, на румынских фронтах войны, где противнику, прежде всего, при-

дется считаться с таким новым фактором, как вытеснение подпольной армии наших союзников.

Однако, независимо от этого, надежды всегда исходят из того особого положения, в котором находится Австро-Германия вследствие значительных потерь, понесенных ею за два года войны. Эти потери подразумевают основную идею нынешней германской стратегии, заключающуюся в необходимости обязательно стремиться к занятию „коротких фронтов“ — ибо с меньшими силами можно надеяться успешно оборонять лишь меньшие фронты. Каждая лишняя сотня верст фронта ложится тяжелым грузом на германскую стратегию, вследствие заметного уменьшения сил Австро-Германии, и, прежде чем задумать какую-либо наступательную операцию, немцы должны предварительно искать „короткие фронты“. Только с занятием „коротких фронтов“, только с таким некоторым обеспечением своих оборонительных линий, противник может начать помышлять о том, чтобы где-либо сколотить войска и создать ударную массу для какой-либо наступательной операции.

Таким образом, постъ двух лет войны, германская стратегия оказалась всецело под знаком „сокращения фронта“ и прежде и раньше всего вынуждена стремиться к этому, а потому уже только может замыслить какая-либо наступательная операция.

При таких условиях, операции на Балканах должны были получить весьма большое развитие не только потому, что в осеннее время, вследствие затихания на главных фронтах, является возможным свести значительные силы на Балканы и искать там разрешения каких-либо политических или частных стратегических задач. Эти операции на Балканах должны были получить развитие также и потому, что у ослабленного про-

тивника, именно в период, когда он понес весьма большие потери в течение лета, появились новые 1.100 верст, румынских фронтов (600 верст трансильванского фронта и 500 верст румыно-болгарской границы, от Орсовы до побережья Черного моря в Добрудже). Если к этому добавить, что граница Румынии с Трансильванией имѣет такое очертание, что охватывает южную оконечность всего восточного фронта, нынѣ протягивающегося от Балтийского моря до Дуная, то необходимость крупных и важных операций противника станет еще более понятной.

Таким образом, три фактора — осеннее затихание на главных фронтах, затихание 1.100 верст новых для противника фронтов и, наконец, охватывающее очертание румынской границы обуславливали необходимость крупных операций на румынских фронтах войны. Этого, конечно, не могли не видеть румыны, прежде чем присоединиться к коалиции держав союзниц, и очевидно, как они, так и союзники считались с неизбежностью того, что, в случае присоединения Румынии, границы этой новой союзницы неизбежно станут районами главнейших операций — но крайней мерѣ, в течение первого и притом довольно значительного по времени периода. Это, в свою очередь, подразумевало, что на румынских фронтах обозначится не только сильный натиск противника, но и соответствующее противодействие со стороны союзников, ибо, как мы отмѣчали выше, было вполне ясно, что здесь, во всяком случае, осенью должны произойти крупные события.

Таким образом, надо было ожидать не только крупных событий, но и накопления крупных сил обеих сторон на румынских фронтах.

Так как противнику приходилось, прежде всего, считаться с тем, что к его безконечным фронтам прибавилось еще 1.100 верст румынских фронтов, а между тем силы его ослаблены, то, естественно, что первые операции противника должны были быть направлены к его необходимости для него „сокращению фронта“. Этим и объясняется как наступательная операция Фалькенгайна в Трансильвании, так и наступательная операция Макензена в Добрудже. Из карты нетрудно видеть, что такое движение противника из Трансильвании и в Добрудже подразумевало его стремление вместо 1.100 верст фронта, который образуется обходом всей границы Румынии, прийти к фронту верст в 400, который должен был, по мнению противника, образоваться прямой линией, протягивающейся от Буковины до Констанцы через Румынию. Для 1.100-верстного фронта у противника не могло хватить новых войск, при потерях его за два года войны, но 400 верст противника,

Командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А. Н. Непенин.

значилось наступление противника, то театр Добруджи, в силу этих условий, в которых находился там противник, сразу потерял свое значение.

Этим и объясняется, что из двух операций — Макензена и Фалькенгайна — главной стала операция Фалькенгайна, ибо по-настоящему наступать по крайне трудной местности Трансильванских Альп, но все же по местности одолжимой, и притом, намѣчал попытку продвинуться на соединение с Макензеном, для образования того короткого, 400-верстного фронта, между Буковиной и Констанцей, о котором мы говорили выше. Таким образом, стремление противника образовать упомянутый выше 400-верстный фронт могло быть „теоретически“ осуществлено лишь за счет продвижения Фалькенгайна, а не за счет продвижения Макензена.

Таковы те условия, которые, во-первых, сноси на осенний период все важнейшие операции европейской войны к операциям на румынских фронтах, а из этих двух румынских фронтов, в свою очередь, свели все операции к единой главной операции — операции Фалькенгайна на пути из Трансильвании в Румынию. Сколь это ни кажется неожиданным, но это было именно так, и узел европейской войны оказался осенью завязанным на значительно второстепенном трансильванско-румынском фронте, где шла весьма важная борьба за то, чтобы не дать ослабленным армиям противника занять

На кавказском фронте

Пыточные наблюдатели на высоте 2.000 метров у Калкита.

выгодный для них и единственно возможный для их обороны короткий фронт.

Еще дабы мы могли наблюдать, что противник, доведя в свое время фронт на запад до его естественных предель, (Северного моря на одном конце и нейтральной Швейцарии на другом конце, стремился создать такие же естественные предель для фронта на восток, такую же перегородку, прорезающую и на восток Европу от моря до моря. Если учесть нейтралитет Швейцарии и непригодность этой страны, как театра для крупных операций, то, учитывая также итальянский фронт, можно видеть, что на запад Европа перегорожена поперек стеной, протянувшейся от Северного моря до Адриатического. Теперь противник, очевидно, стремится докончить построение такой же стеной и на восток. Догнав прошлой весной один конец своего фронта до Балтийского моря, он достигал теперь другой конец своего фронта до Черного моря.

Если бы когда-либо до войны кто-нибудь сказал, что в будущем европейском столкновении будут выстроены две «китайские стены» на запад и на восток, — одна от Северного моря до Адриатического, а другая от Балтийского моря до Черного, и что, перегородив таким образом Европу поперек двумя стеной, Германия будет обороняться, — безусловно никто бы этому не поверил, и всякому бы такая идея показалась смехотворной. Когда-то наивное искусство Китая создало знаменитую «китайскую стену», по о том, что к такому приему прибегнут культурнейшие народы средней Европы, и что осмелянная идея «австрийского кордона» возродится в таком широком масштабе, — об этом не могли помышлять никакие «стратегические мудрецы».

Казаки Оренбургского казачьего полка Николай Петрович Пономарев, Запорожской станции, Черниговского уезда. Получил все боевые отличия и произведен в прапорщики.

Карточная система.

(Вопросы внутренней жизни).

Переживаемая в связи с войною тяжелая продовольственная затруднения отчасти объясняются и недостатком умелой организации, но в известной мере представляют собою и вполне естественное последствие чисто-стихийных причин, совершенно независимых от чьей-нибудь злой воли или нераспорядительности. Россия еще не оскудела ни хлебом, ни крупами, ни запасами овощей, яиц, масла, и у ней найдется вполне достаточно продовольствия для питания армии и населения, но некоторые продукты, успевшие сбавиться предметом первой необходимости, как, например, сахар, действительно нмются в очень ограниченном количестве. Причиной недостатка сахара служить прежде всего временное занятие неприятелем юго-западных районов, в которых расположена большая часть крупных сахарных заводов, а затем затруднения в уборке плантаций сахарной свекловицы, благодаря которым значительная часть прекрасного урожая осуждена на гибель. Даже при усилении расширения Киевских, одесских, почтавских и других сахарных заводов они при недостатке свекловицы едва ли смогут выработать достаточное количество сахара, которого хватило бы на удовлетворение всего рыночного спроса внутри

и черной, на вывоз в Финляндию, Персию и азиатские страны.

Недостаток в самом предложении и в выработке продукта, ставшего предметом общей потребности, вынуждает поставить вопрос о снабжении и равномерном распределении его между всеми гражданами империи. Государство не может сбавить нужным каждому объекту сахар, предметом свободной купли-продажи, при которой более богатые потребители подучали бы его в неограниченном количестве по повышенным ценам, а более бедные оставались бы совершенно без сахара. Задачи и глубоко-демократический морально-гражданский смысл карточной системы заключается именно в том, что она не допускает захвата необходимого для всех граждан продукта наиболее состоятельными, экономически сильными группами населения, но обеспечивает за каждым потребителем право купить его по установленной цене в равном количестве. Право на приобретение продукта устанавливается уже не количеством достаточного количества денег, а нормами чисто-гражданско-правового характера. Власть капитала, власть богатства, до сих пор безграничная на рынке, с введением карточной системы сразу ограничивается государственной властью по чисто-правовым мотивам и соображениям. Пока необходимого продукта — сахар, хлеба и проч. — нмется на рынке сколько хочешь, каждый может получить его в неограниченном количестве, но, если его немного, тогда он должен быть разделен по-братски. Карточная система кладет конец единоличному господству и эфемерной экономической отношений денег и вводит в действие другие принципы, другие общественные начала. Влияние и влияние приношения не могут ограничиться одним снабжением сахарными запасами. Суровая необходимость заставила нас признать колоссальное общественное значение торговых операций. Купля и продажа продовольствия и предметов первой необходимости получила характер не частной сделки между продавцом и покупателем, а важного государственного дела. Власть почувствовала себя ответственной за снабжение населения всем, что необходимо для его жизни и напряженной работы в тылу армии, и сбавила доставку продуктов потребителям задачей своего государственного служения. Сахар и мясо, в сущности, представляются единственными предметами, нуждающимися для правильного распределения их в введении карточной системы, потому что количество их, могущее быть выпущенным на рынок, несомненно ограничено. Что же касается муки, масла, яиц, овощей и прочих продуктов, то их неопозволительная дороговизна и временный недостаток их на рынке объясняются исключительно недостаточной выдержанной организацией поставок и неспособностью административных и общественных деятелей бороться с вредною работою мародерствующей спекуляции. Энергичное вмешательство в продовольственный вопрос высшей военной власти и новые течения, созданные за последние время в этом направлении в правительственных сферах, не оставили никакого сомнения, что продовольственный вопрос будет поставлен у нас ребром и дождется наконец радикального решения.

Содержание.

Т. Е. К. С. Т. В. Верден. Рассказ Георгия Павлова. — Вальтер Гринвич, шпик. Рассказ Гоберта Хольмса, полицейского священника. — Побег. Рассказ В. Рошкова. — Дневник военных действий. К. Шумского. — Карточная система. (Вопросы внутренней жизни). — Объявления. — Отклики войны.

РИСУНКИ: Восточная часть. Картина Н. Богданова-Бельского. — Иллюстрация В. В. Спасского к рассказу Георгия Павлова «Верден». — На савонинском фронте. — На западном фронте. — Колонны дымовых русских добровольцев. — Голландия-Росов близ Парижа (2 рис.). — Школьная полиция на военный заезд в Англию. — Пленные. По фот. С. Корсакова. — В гостях у псковцев. — Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где выскрбались они. — Западный фронт. Изнутри в атаку. — Командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал А. И. Непенин. — На вавязском фронте. Наблюдатели на высоте 2.000 метров у Калита. — Казаки В. П. Пономарев.

К этому № прилагается сочин. Шарля де-Костера: «Уленсгильд» книга 3.

Издатель Т-во А. Ф. МАРКСЪ.

Редактор В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. МАРКСЪ,

Петроградъ, Измайловскій проспектъ, д. № 29.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

В Царской Ставке. 6-го октября великобританский посол сэр Джордж Бьюкенен, прибыв в Царскую Ставку, был принят Его Императорским Величеством в отдельной аудиенции. Посол, по повелению короля Георга, передал Государю Императору знаки ордена Бани 1-й степени за военные заслуги. При передаче ордена посол обратился к Его Величеству со следующими словами на английском языке:

— Передаю Вашему Императорскому Величеству в прошломъ февралѣ великобританскій фельдмаршалскій жезлъ, король хотѣлъ выразить свои искреннія чувства восхищенія передъ доблестной арміей Вашего Величества. Нынѣ, прося Ваше Величество принять высокій военный орденъ, его величество желаетъ особенно отмѣтить, насколько онъ цѣнитъ услуги, оказанныя флотомъ Вашего Императорскаго Величества. Несмотря на большой численный перевѣсъ германскаго флота, балтійскій флотъ Вашего Величества отразилъ, навесилъ потери, всѣ атаки на Ригу, производилъ успешные выходы и заградилъ доступъ въ Финскій заливъ. Подобно великобританскому флоту въ Северномъ морѣ флотъ Вашего Величества песь сторожевую службу въ Балтійскомъ морѣ, и, несмотря на невозможность сражаться вмѣстѣ, оба флота дѣйствуютъ совместно въ потномъ единении. Сверхъ того, англійскія подводныя лодки, проникшія въ Балтійское море, гордятся возможностью сражаться подъ начальствомъ командующаго морскими силами Вашего Величества въ этихъ водахъ. Въ Черномъ морѣ турецкій флотъ, усиленный «Гебеномъ» и «Бреслау», послѣ многочисленныхъ неудачныхъ встрѣчъ съ судами Вашего Величества былъ загнанъ въ Босфоръ. Сознвая эти заслуги, его величество король Георгъ V въ знакъ восхищенія передъ русскимъ флотомъ повелѣлъ мнѣ передать Вашему Императорскому Величеству, какъ Верховному Вождю сухопутныхъ и морскихъ силъ, знаки 1-й степени ордена Бани за военные заслуги.

Государь Императоръ, принявъ знаки ордена, въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ посла.

Командующій флотомъ Балтійскаго моря. Назначенный въсто адмирала Канниа командующимъ флотомъ Балтійскаго моря вице-адмиралъ А. И. Непенинъ родился въ 1871 году, образование получилъ въ Морскомъ корпусѣ и поступилъ на службу въ 1889 году; черезъ три года послѣ того былъ произведенъ въ мичманы. Участвуя въ русско-японской войнѣ, Адрианъ Ивановичъ Непенинъ отличился во многихъ бояхъ и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Въ 1907 году А. И. былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга, а въ этомъ чинѣ послѣдовательно командовалъ миноносцемъ «Прозорливый», затѣмъ дивизиономъ миноносцевъ въ Балтійскомъ морѣ, и, наконецъ, канонерской лодкой «Храбрый».

Въ настоящую войну А. И., произведенный въ контръ-адмиралы въ 1914 году, занималъ одну изъ самыхъ ответственныхъ должностей во флотѣ Балтійскаго моря и здѣсь выдѣлился въ рядѣ сотоварищей своими военными знаниями и способностями. Произведенный въ чинѣ вице-адмирала 6-го сентября 1916 года, съ назначениемъ командующимъ флотомъ Балтійскаго моря, А. И., вмѣстѣ съ новымъ командующимъ флотомъ Чернаго моря А. И. Колчакомъ (см. № 42 «Нивы»), является въ числѣ самыхъ молодыхъ вице-адмираловъ не только въ Россіи, но и за границей.

Побѣдный Верденъ. Въ настоящее время, когда доблестная французская армія, обороняющая и оборонившая Верденъ, прорвала весь германскій фронтъ и отняла обратно у потчины, руководимыхъ германскими кронпринцами, главнѣйшій форть Дуомонъ, основу обороны Вердена, и взялъ въ плѣвъ нмечскаго его коменданта, — приобретаетъ особый интересъ только-что опубликованный въ германскихъ газетахъ приказъ по арміи, отданный кронпринцемъ.

«Кайзеръ пожаловалъ мнѣ дубовые листья къ знаку ордена «За заслуги» Это высокое отличіе подтверждаетъ его благоволеніе. Отличіе это — не мнѣ одному, а каждому солдату моей храброй арміи. Оно является выраженіемъ

благодарности его величества за все то, что моя армія сбавила подъ Верденомъ.

Нынѣ, когда кампанія еще не кончилась, значеніе боевъ, которые свѣршались подъ Верденомъ безъ перерыва съ 21-го февраля, дабы вліяніе на ходъ великой войны, которую Германия вынуждена вести, дабы спасти свое существованіе, не могутъ еще быть оценены. Одинъ фактъ все же установленъ: рѣдко въ исторіи отъ какой-либо арміи требовались такія великія усилія, рѣдко такія усилія проявлялись въ столь трудныхъ условіяхъ, рѣдко проявлялись такая настойчивость въ атакахъ, такое презрѣніе къ смерти и такая сила сопротивленія, когда требовалось сохранить то, что было приобрѣтено.

Товарищи! Вы доказали, что вы всегда были на высотѣ ваданія, выпавшаго на вашу долю. Вы можете быть увѣрены въ моей вѣчной благодарности. Главнокомандующій Фридрихъ-Вильгельмъ прусскій, наслѣдный принцъ Германской имперіи».

Газета «Темпс», воспроизводя этотъ приказъ, даетъ слѣдующую оцѣнку тому, кто получилъ дубовые листья къ ордену «За заслуги»:

«Германская печать говоритъ немного о «высокой наградѣ», пожалованной императоромъ Германіи кронпринцу Герману Фридриху-Вильгельму. Молчаніе это понятно, ибо дубовые листья, пожалованные императорскому и королевскому жертвоприношению подъ Верденомъ, похожи на вѣнокъ, возложенный на могилу».

Сколько нмцевъ лежитъ въ этой могилѣ? Объ этомъ скажетъ исторія. Убитые и раненые подъ Верденомъ исчисляются сотнями тысячъ. Когда идти въ атаку подъ огнемъ пушки «75», приходится платить дорого, а когда эти атаки повторяешь въ продолженіе шести мѣсяцевъ, приходится платить очень дорого, и списать себѣ прощеніе можно только однимъ, — добившись успеха. Однако, успеха кронпринцъ не добился, а добился ордена.

Могла эта — и могла германскихъ надеждъ... Начавъ атаку на Верденъ, германскій штабъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Онъ сообщалъ объ этомъ нейтральнымъ страшенъ секретными нотами, онъ сообщалъ объ этомъ германскому народу въ газетныхъ статьяхъ. Увѣренность его въ побѣдѣ была такою, что, мечтая о скоромъ концѣ, онъ потерялъ всякую мѣру въ расходованіи орудій и снарядовъ.

Кронпринцъ находился въ центрѣ этой картины. Наслѣдникъ германскаго престола уложилъ нмцевъ за двадцать шесть мѣсяцевъ войны больше, чѣмъ какой-либо другой генералъ. Ему нужны были лавры. Онъ искалъ ихъ въ Аргонахъ, ведя въ продолженіе пяти мѣсяцевъ бессмысленныя атаки; онъ искалъ ихъ подъ Верденомъ, ведя шесть мѣсяцевъ бои, но нашелъ онъ только дубовые листья.

Нобелевская премія мира. Нобелевская премія мира уже нѣсколько лѣтъ остается не присужденной. — Достанется ли она кому-нибудь въ этомъ году, а кто заслужилъ «премію мира» посреди теперешней кровавой схватки народовъ? — спрашиваетъ копенгагенскій корреспондентъ «Рус. Вѣд.» Гроссманъ. Въ газетахъ промелькнуло нѣсколько, что съ различныхъ сторонъ дѣлаются усилія, чтобы этой преміей наградить Швейцарію. До сихъ поръ мы знаемъ случаи, когда премію мира получалъ глава государства. Если вѣрны слухи, то впервые само государство явится нобелевскимъ лауреатомъ. Инициатива въ этомъ направленіи принадлежитъ извѣстному пидфисту профессору de-Gibert, который нашелъ рѣшительную поддержку со стороны всѣхъ крупныхъ организацій Европы, нмѣющихъ вліяніе на назначеніе нобелевскихъ премій. Основаніемъ для такого отличія служитъ чрезвычайная гуманитарная дѣятельность Швейцаріи. Громадные расходы, которые маленькая страна несетъ по организаціи почтовыхъ сношеній съ военнопленными, по перевозу цивилныхъ плѣнныхъ, по интернированію больныхъ воиновъ и т. п., далеко въ будущъ покрыты Нобелевской преміей. Но моральная цѣнность такого отличія доставитъ странѣ глубокое удовлетвореніе.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

А. КОТОМКИНЪ-САВИНСКІЙ.

„КНЯЗЬ ВЯЧКО И МЕЧЕНОСЦЫ“

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

изъ эпохи войнъ XIII-го столѣтія — завоеваніе нмцами Прибалтійскаго края.

ПОСВЯЩАЕТСЯ АВГУСТЫШЕМОУ ПОЭТУ

К. Р.

Цѣна одинъ рубль.

Складъ изданія: при Конторѣ журнала „НИВА“, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.

Изд. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Пгр., ул. Гоголя, 22.

Бокинъ, П. Н. „ПОДВИЖНЫЕ ИГРЫ“

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

4-е изданіе. Съ 81 рис. Авторъ прихотливъ, воспитатель и самъ учащійся.

!!ШАЛОСТИ УМЕНЬШАЮТСЯ!!

ДАЙТЕ ДѢТЯМЪ

ЗАНИЯТІЯ И ЗАБАВУ.

За 3 р. 50 к. кысело, поточ. плат. для нмцевъ. и скляномъ: 1) Русск. войско, союзники, враги (ок. 220 фигур) или 2) Авто-гидроплатъ, санит. повозка, бронер. автомобиль, дредноутъ, крейсеръ, пароходъ, кушка, минометъ, санит. автонобъ, вагонъ, вагъ жиния народъ, птицъ, звѣрей, животныхъ, и т. д.

Контора „ЗАНИЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петербургъ, 17б. Боготовская ул., 57.

Контора „ЗАНИЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петербургъ, 17б. Боготовская ул., 57.

Контора „ЗАНИЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петербургъ, 17б. Боготовская ул., 57.

Контора „ЗАНИЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петербургъ, 17б. Боготовская ул., 57.

Контора „ЗАНИЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петербургъ, 17б. Боготовская ул., 57.

Контора „ЗАНИЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петербургъ, 17б. Боготовская ул., 57.

Контора „ЗАНИЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петербургъ, 17б. Боготовская ул., 57.

Контора „ЗАНИЯТІЯ И ЗАБАВА“, 17, г. Гатчина, Петербургъ, 17б. Боготовская ул., 57.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТѢ

АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЫСТРОВЯЗЬАЛЬНАЯ МАШИНА

„ВИКТОРІЯ“

стоитъ 200 руб.

ВЯЖЕШЬ въ одну минуту 20.000 петель, въ 15 минутъ одинъ чулокъ, ежедневно 24 пары.

Теперь мы платимъ 2 р. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к.

ЗАРАБОТОКЪ ГАРАНТИРОВАНЪ РАБОТА ПОСТОЯННАЯ.

Носке 500 благодарственныхъ писемъ.

Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщицъ и вязальщиковъ для легкой домашней работы, мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Предварительныхъ знаній не требуется. Работоданіе не служитъ препятствіемъ.

Требуется нашъ бесплатный проспектъ.

Осл. въ 1905 году

Товарищество вязальныхъ машинъ

Томасъ Г. Виттикъ-Кюнау и К^о.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 40-42 — 11.

KKBA

Original members of KKKBA 1917-1918

